

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА
УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА, ХРЕСТОМАТИЯ И ПРАКТИКУМ
(для студентов исторического факультета)

Автор-составитель и ответственный редактор

В. А. Зверев

НОВОСИБИРСК 2005

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГПУ

Рецензенты:

кафедра отечественной истории НГПУ;

д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Института археологии и этнографии СО РАН

Е. Ф. Фурсова

Традиционная педагогика: Учебная программа, хрестоматия и практикум (для студентов исторического факультета) / Авт.-сост. и отв. ред. *В. А. Зверев*. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – 120 с.

Программа модульного учебного курса, сопровождающие ее материалы (хрестоматия и практикум) предназначены для студентов очного и заочного отделений исторического факультета ИИГСО НГПУ, обучающихся по специальностям «История», «Культурология» и «Социальная педагогика». Публикация содержит перечень лекционных тем и проблем, планы семинарских и практических занятий, контрольные материалы, тексты исторических источников по русской традиционной педагогике Сибири для самостоятельной работы и изучения на практических занятиях. Имеется также список рекомендуемой студентам литературы и опубликованных источников.

© В. А. Зверев, 2005

© Новосибирский государственный педагогический университет, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Пояснительная записка

Программа лекционного курса

Планы семинарских и практических занятий

Практические задания, контрольные материалы

Русская традиционная педагогика Сибири (хрестоматия)

Красноженова М. Ребята хороши будут от доброй матери

Костров Н. Существует обычай «ровнять» ребенка...

Соловьев М. Ангелы-архангелы в головушках стоят

Красноженова М. Играющие встают в хоровод и поют...

Пальмин М. В укромном местечке собиралось несколько малышей...

Ермолаев А. Перед нами жизнь семьи, как ее понимает детвора

Зобнин Ф. Всякое дело надо начинать с молитвой

Кайгородова А. Сделано с нашим немалым участием

Волосников В. Отцовская наука была суровая...

Михалева А. С раннего утра до поздней ноченьки

Трифорова А. Мое самое беспокойное «хозяйство»

У Бога на полке

Список литературы и источников, рекомендуемых для изучения

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Образовательный курс «Традиционная педагогика» является составной (модульной) частью учебных курсов «Традиционная народная культура» и «Этнология», изучаемых студентами разных форм обучения на историческом факультете Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ. Он преподается также в качестве курса по выбору на тех отделениях истфака, где вышеуказанные курсы в качестве обязательных не читаются. Традиционная педагогика может быть рекомендована к изучению на всех тех факультетах НГПУ, других высших и средних педагогических учебных заведений, где ведется образовательная деятельность по специальностям «История», «Культурология», «Социальная педагогика» и смежным специальностям.

Термином *традиционная педагогика* обозначаются в данном случае, во-первых, реально господствовавшая в прошлом (у этносов, переживших процесс модернизации общества и культуры), существующая сегодня в обществах традиционного и переходного (к модернизированному) типа совокупность народных ценностно-нормативных установок, педагогических знаний, практики физического и социокультурного воспроизводства поколений. Во-вторых, этим же термином мы обозначили совокупность междисциплинарных теоретических, а также практически-педагогических проблем, связанных с научным изучением реальной традиционной педагогики и использованием лучших ее достижений в современных условиях. Во втором смысле термин «традиционная педагогика» является родственным термину «этнопедагогика», которым обозначается, согласно Г. Н. Волкову, «история и теория народного (естественного, обыденного, неформального, нешкольного, традиционного) воспитания». Однако этнопедагогика и традиционная педагогика (во втором смысле) имеют не полное, а только частичное наложение своих проблемных и практических «полей».

Целью образовательного курса является углубленное (на

междисциплинарной основе) ознакомление студентов со специфическим феноменом народной культуры – традиционной педагогикой, которая, являясь исторически преходящей формой народных представлений и жизненной практики, в то же время в ряде своих важных проявлений сохраняет жизнеспособность, помогает современному обществу решать задачи социализации подрастающих поколений.

Основные задачи курса: 1) создание условий для согласования студентами исторического, этнологического, культурологического и педагогического подходов к научному изучению традиционной педагогики и использованию ее жизнеспособных элементов;

2) ознакомление студентов с междисциплинарными истоками, основными этапами развития и современным состоянием в России и за рубежом этнопедагогики (истории и теории народного воспитания), этнографии детства (одной из этнографических субдисциплин), педагогической антропологии (составной части социальной и культурной антропологии);

3) усвоение студентами современных научных представлений об исторических условиях возникновения традиционной педагогики, ее идейном и программном обеспечении, богатейшем технологическом содержании, семейной и общественной формах бытования, непреходящей ценности многих ее элементов, о межпоколенных способах трансляции последних;

4) приобщение студентов к накопленному в современной практике обучения и воспитания опыту использования достижений народной педагогики, включение начинающих профессионалов – историков, культурологов, педагогов – в активную деятельность по сохранению, возрождению и развитию лучших этнопедагогических традиций.

Авторская программа курса и настоящее пособие предназначены в основном для вузов и ссузов Сибирского региона. Мы реализуем принцип краеведческой (регионоведческой) и конкретно-этнической привязки изучаемого материала и рекомендуем студентам углубленное изучение *русской традиционной педагогики Сибири*. Ряд вопросов семинарских и

практических занятий, многие задания для самостоятельной работы, большинство тем письменных контрольных работ сформулированы с учетом вышеуказанного принципа.

Курс «Традиционная педагогика» рассчитан на *34 академических часа* аудиторных занятий и такой же объем самостоятельной работы. Лекции занимают 18 часов, семинарские и практические занятия – 16 часов.

Настоящее пособие содержит дидактические материалы, необходимые для организации как аудиторной, так и самостоятельной работы студентов. *Самостоятельная работа* организуется путем изучения текстов исторических источников, помещенных в хрестоматии «Русская традиционная педагогика Сибири». Часть источников здесь публикуется впервые, другие были ранее труднодоступными. Для самостоятельного изучения студентам рекомендованы также исследовательская литература и опубликованные в других изданиях источники (изучаемая часть общего списка согласуется с преподавателем). Самостоятельная работа направляется практическими заданиями преподавателя, в ряде случаев возникает необходимость написать контрольную работу. Индивидуальные результаты изучения всего курса проверяются на итоговом экзамене или зачете.

ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННОГО КУРСА

1. Понятие народной культуры и место в ней традиционной педагогики. 2 часа.

Народная культура как локальная (во времени и пространстве) совокупность этнической культуры, элементов иноэтнической и интерэтнической культуры, обеспечивающая организацию, повседневное функционирование и историческое развитие конкретного этноса или устойчивого полиэтнического сообщества. *Особенности* народной культуры: коллективное анонимное авторство, вариантность, синкретизм, связь рационального и иррационального компонентов, «бесписьменность».

Основные *составляющие* народной культуры – материальная и духовная, *условность* их выделения. *Материальная* народная культура, ее *комплексы*: орудия труда и транспортные средства, поселения и жилища, домашняя утварь, предметы религиозного культа, одежда, пища и др. *Формы* человеческого поведения, связанные с материально объективированными явлениями культуры. Материальная основа процесса *социализации подрастающих поколений* (игрушки, детская и молодежная одежда, питание детей и др.). Понятие *духовной культуры*, ее *комплексы*: народные знания, религия и религиозные верования, народное искусство (фольклор), соционормативная культура. *Народная или этническая педагогика* как комплекс духовной культуры. Место в ней педагогических знаний, религиозной веры, детского и родительского фольклора, соционормативных установлений.

Множественность проявлений и путей эволюции народной культуры в разных обществах. Исторические *стадии развития* народной культуры у обществ «европейского» типа: *архаическая, традиционная, современная* (индустриальная), *постиндустриальная* (информационная) культура. *Традиции* как системообразующий фактор традиционной культуры. Проявления традиции в идеях, обычаях, обрядах. *Традиционная педагогика* как проявление и способ воспроизводства традиционной культуры.

Модернизация культуры как становление ее современных и постиндустриальных форм. «Переходность» российского общества, связанная с ней *актуальность традиционной педагогики* в современных условиях и исторической перспективе.

2. История и современное состояние научной этнопедагогики. 2 часа.

Этнопедагогика как междисциплинарная отрасль науки, изучающая историю, теорию и практический опыт социализации подрастающих поколений в народной (этнической и полиэтнической) среде. Традиционная педагогика – главный *объект изучения* в этнопедагогике.

Воззрения и опыт народа в *наследии классиков* педагогики: Я. А. Коменского, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, А. С. Макаренко. Накопление этнопедагогических знаний этнографами в *универсальных описаниях* народной культуры и быта (XIX – начало XX в.). Выделение *этнографии детства и родительства*, «народной педагогики» как специфических отраслей науки в 1920-х гг. в России. Жизнь и научное творчество Г. С. Виноградова, М. В. Красноженовой, О. И. Капицы. Проблемы изучения *культуры и личности* в американской этнологии 1930–1950-х гг. (Ф. Боас, М. Мид, Б и Дж. Уайтинги).

Последующий вклад в развитие этнопедагогики в России педагогов (Г. Н. Волков, Н. Д. Никандров, К. И. Салимова), этнологов (Т. А. Бернштам, М. М. Громько, А. Ф. Некрылова), фольклористов (А. Н. Мартынова, М. Н. Мельников, С. М. Лойтер), социальных историков (Н. А. Миненко), философов и психологов (И. С. Кон). Становление *педагогической антропологии* в современной науке. Анализ важнейших *исследовательских работ* по изучаемой проблематике.

Этнопедагогика (часто понимается как народная педагогика или традиционная педагогика) как самостоятельный и *модульный учебный предмет* в высшей и средней профессиональной школе. Связь этнопедагогики с педагогической антропологией, общей педагогикой, этнологией и этнографией, историей, культурологией. Анализ *учебной*

литературы по этому предмету. Необходимость и возможность участия студентов в исследовательской работе по этнопедагогике. Важнейшие публикации источников, неопубликованные *источники для изучения традиционной педагогики народов России*.

3. Условия жизни и образ жизни народа – основа народной педагогики. 2 часа.

«Народная педагогика – педагогика жизни» (Г. Н. Волков). Социальный *образ жизни* – комплекс всех взаимосвязанных форм жизненной активности народа, обусловленный как его собственной природой и культурой, так и внешними условиями его жизни. Самовоспроизводство населения – важнейший элемент структуры его образа жизни. *Физическое, социокультурное и психологическое воспроизводство поколений* народа. *Демографическое поведение* (брачное, детородное, жизнеохранительное, миграционное) как способ физического воспроизводства населения. *Социализация новых поколений*, а также *социальная, культурная и ментальная стабилизация/мобилизация* – способы социокультурного воспроизводства. Возобновление и перестройка психологических установок в процессе *общения*. Народная педагогика как *культурная основа* воспроизводства поколений.

Взаимосвязь народной педагогики и *воспроизводства внешних условий жизни* народа – природных (*хозяйственная деятельность*), социальных (*общественная активность*), информационных (*познавательная активность*). Соответствующие принципы традиционной педагогики: *природосообразность* процесса социализации; его *общинный характер*; *включенность детей в реальность*: в настоящий труд, реальную семейную и общественную жизнь, актуальные информационные потоки.

4. Народные педагогические знания: содержание, форма, трансляция. 2 часа.

Образы детства как культурный и ментальный феномен, как объект

научного изучения. Образ детства в традиционном обществе, *неразделимое сочетание* в нем *реалистических, религиозных и мифологических представлений*.

Традиционные представления о *значении, цели и задачах социализации* подрастающих поколений; об *этапах* и промежуточных результатах этого процесса; о *роли различных институтов и агентов* – семьи, родителей, бабушек и дедушек, старших детей, фамильного клана, территориальной общины, сообщества сверстников. Сочетание *стихийности* и *целенаправленности* социализации в народной среде. Синкретизм сфер социализации – *воспитания, обучения, физического развития*. *Принципы и методы* социализации, значение *самовоспитания, самообучения, саморазвития* ребенка. Специфика социализации мальчиков и девочек.

Способы *создания, закрепления, выражения, хранения, межпоколенной и территориальной передачи* педагогических традиций (перспективные проблемы исследования). Два *уровня* народных педагогических знаний: массовый и специализированный. Мастера, «знаткие люди» как *носители специализированного знания*, их роль в социализации детей и молодежи. *Эмпирический характер*, социальная и территориальная *дифференциация* знаний, роль *ситуативного контекста* в их функционировании.

5. Религия и церковь как важные институты социализации детей и молодежи в христианском обществе. 2 часа.

Христианские основания нравственности и воспитания. Нравственные воззрения и нормы поведения, непосредственно вытекающие из религиозных оснований, а также заложенные в традициях семьи и социальной среды и не осознаваемые, как христианские. Православная *этика труда*: сакральное отношение к земле, к «миру» как сообществу тружеников. Желание *помочь ближнему*, учесть его интересы. Нежелание принять материальную выгоду как мерило поведения. Милостыня. Осуждение внебрачных отношений молодежи и супружеской неверности. Религиозно-нравственное *отношение к деторождению*. *Авторитет старших*, почтение к старикам и родителям.

Отрицательное отношение ко лжи, лести, гордыне, унынию. Осуждение воровства, зависимость осуждения от того, у кого украдено (отличие от формально-правового подхода).

Храм, священнослужители, приходская община как институты воспитания и обучения в традиционном обществе. *Посещение храма* детьми в составе родительской семьи и молодежью, встречи и *беседы со священниками* вне храма. Духовно-просветительская деятельность церковного клира. Домашние молитвы и духовное чтение. Место *христианского культа* в праздничной сфере земледельческой культуры.

Церковные и монастырские школы – институт распространения грамотности, сознательного приобщения к вероучительной и богослужебной традиции. Российская практика второй половины XIX – начала XX в.: начальные школы Ведомства православного исповедания (*школы грамоты, церковно-приходские училища*), воскресные и вечерние чтения. Школы при мусульманских мечетях, буддийских дацанах, католических костелах. Передача церковно-славянской грамоты, *книжной традиции* и традиционных *морально-нравственных устоев* в старообрядческой среде.

6. Роль родного языка и народного искусства в социализации подрастающих поколений. 4 часа.

Родной язык, *вербальное общение* – важнейшие факторы воспитания, обучения и развития ребенка. Выражение в языке *понятий духовности* (покаяние, раскаяние, исповедь, проповедь, клятва, благословение, завещание). *Словесные приемы воздействия* на личность: увещевание, уговор, заповедь, разъяснение, приказ, просьба, поручение, приучение, наставление, назидание, пожелание, совет, намек, одобрение, **блегодарность**, осуждение, упрек, запрет и др. *Невербальные формы общения* в семье и в сообществе сверстников как социализирующий фактор.

Устный фольклор как программа и средство социализации, как объект межпоколенной передачи. *Материнский (родительский) фольклор*, его основные жанры (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки,

докучные сказки). Возможности волшебного мира *сказок* в обучении и воспитании. Мудрость малых форм устного фольклора (*пословицы, поговорки*). Таинственный мир *загадок*. Традиционный *детский фольклор* – *бытовой, потешный, игровой*. Его основные жанры: прозвища и дразнилки, молчанки, жеребьевки, считалки. Детские тайные языки.

Возможности *невербальных форм народного искусства* в деле социализации (народная музыка, танец, театр, декоративно-прикладное искусство). *Детские и молодежные игры, детский и молодежный календарь* как комплексные проявления народной педагогики. Формальные ролевые игры, игры-импровизации, их включенность в семейную и общественную жизнь. *Молодежные и детские дни* в народном календаре. Роль детей и молодежи в *годовом праздничном круге* крестьян-земледельцев (Рождество и Святки, Масленица, Великий пост, Пасха, Троицын день, Иванов день, Ильин день, Спасовки, Покров, Татьянин день).

7. Соционормативная культура народа – концентрированное выражение традиционной педагогики. 2 часа.

Структура и функции народной соционормативной культуры. Система *ценностей и идеалов, сходство менталитета* как основа цивилизации. Главные ценности традиционного общества: *единство с природой; устойчивость, преемственность социума и культуры; харизматический авторитет религии и церкви; духовная просветленность человека; коллективизм (корпоративность); этатизм (нераздельность государства и общества) и патриотизм; патриархальная семья.*

Нормативная *этика труда*. Особенности поведения во время сельскохозяйственных работ. Распределение трудовых обязанностей в семье и общине. Формы взаимопомощи и трудовой благотворительности. *Помочи* в русской деревне.

Этика *повседневного и праздничного досуга*. Нормы поведения во время детских игр, на молодежных игрищах и посиделках, женских и девичьих праздниках, на деревенских сходках и праздниках. Общественное мнение,

вопросы чести на сходке. Нормы гостеприимства. Этика застолья.

Этика взаимоотношений поколений. Харизматический авторитет стариков в семье и общине. *Возрастная дифференциация* норм поведения, форм приветствий. *Возрастной символизм* (возрастные названия, символика в костюме, в обрядовом поведении).

Этика семейных отношений. Нормирование отношений мужа и жены, родителей и детей, домохозяйина и его «домашних», мужской и женской частей семейного домохозяйства. Бабушки и дедушки в семье. *Духовное родство* – крестные родители, кумовство, побратимство и посестрие.

Понятие *девиантного поведения* как отклоняющегося от традиционных норм. *Просоциальные* (инновационные) и *антисоциальные* – аморальные, делинквентные, криминальные – формы девиантного поведения. Способы *профилактики* и *вытеснения* неприемлемых девиаций в общении и поведении молодежи.

8. Традиционная педагогика в современном педагогическом процессе. 2 часа.

Итоговая сравнительная характеристика *традиционной* и *современной* (а также *постиндустриальной*) педагогической культуры и практики. *Достоинства* и *недостатки* традиционной педагогики с точки зрения современных *профессиональных М.Б. научных* педагогических воззрений, с точки зрения общественной модернизационной перспективы. Проблема отношения *кого* к традиционному педагогическому наследию.

Оправданность *критического отношения* к традиционной педагогике, как и к любому явлению культуры. Неприемлемость многих *педагогических пережитков* в современных условиях и лонгитюдной перспективе.

Жизнеспособность многих идей, принципов, средств и методов традиционной педагогики в современных условиях. *Плодотворное их использование* в России в педагогических теориях и системах современного типа (В. А. Сухомлинский, И. П. Иванов, Е. А. Васильев, В. Ф. Шаталов, Б. П. и Л. А. Никитины и др.). Внимание к народной педагогике как части

традиционной культуры в учебных и воспитательных программах высшего профессионального и базового среднего образования. Связь этнопедагогики и современной практики общественного воспитания. Народное искусство как предмет изучения и средство социализации в учреждениях дошкольного и дополнительного образования. Педагогическая составляющая фольклорного движения в России и за рубежом.

Семейное воспитание в нынешней России как поле *конфликта и диалога* традиционной и *модернизированной* педагогики. Необходимость плодотворного *синтеза* разных педагогических систем.

ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

1. Институты социализации в традиционном обществе.

1) Семья как главный институт социализации детей: людность и структура, функции, историческая эволюция. Педагогическая роль семейного труда и общения, семейных обычаев и обрядов (крещение, венчание, погребение, посты).

2) **Соседская** община как институт социализации. Роль коллективной сходимости, общинной опеки, суда стариков, общественного мнения.

3) Детские и молодежные сообщества («рощи»), их место в процессе социализации.

2. Рождение ребенка по народным представлениям какого народа и в реальности.

1) Народные средства для обретения «чадородия», регулирования развития плода в утробе матери.

2) Предписания и запреты при зачатии и беременности.

3) Роды: физиологическая сторона и мистическое содержание.

4) Средства и приемы первоначального физического ухода за детьми и роженицей.

3. Физическое развитие и воспитание детей раннего возраста.

1) Забота о жизни и здоровье ребенка: достижения и недостатки народной педиатрии.

2) Возможности родительского фольклора в воспитании детей.

3) Роль матери и отца на раннем этапе социализации.

4) Средства и приемы родительского воспитания: отцовская авторитарность, материнская любовь, поощрение и наказание, испуг и др.

4. Мир детской игры и игрушки в жизни традиционного общества.

1) Традиционные детские игрушки у русских: номенклатура,

изготовление, использование в детском быту.

- 2) Детские и молодежные игры: классификация, способы организации.
- 3) Незаменимая педагогическая роль народной игры.

5. Трудовое воспитание – центральная область традиционной педагогики.

- 1) Объективная необходимость и педагогический смысл раннего привлечения детей к труду.
- 2) Трудовые обязанности детей и подростков, изменение их с возрастом.
- 3) Принципы и приемы приобщения детей к труду в семье и общине.
- 4) Особенности трудового воспитания девочек и мальчиков.

6. Фольклор как программа и средство социализации детей, объект межпоколенной трансляции.

- 1) Сказки как проявление народного педагогического гения.
- 2) Неисчерпаемое педагогическое богатство пословиц и поговорок.
- 3) Воспитательные, обучающие и развивающие возможности загадок.
- 4) Детский фольклор как явление педагогической культуры: жанры, педагогическая функция.

7. Участие детей и молодежи в традиционных народных праздниках.

КОНКРЕТНО ЧЬИХ

- 1) Детский народный календарь как педагогический феномен.
- 2) Дети и молодежь на праздниках весеннего цикла.
- 3) Летняя пора в обрядовой жизни детей и подростков.
- 4) Осенние и зимние праздники в жизни детей и молодежи.

8. Опыт новосибирских педагогов и этнографов в использовании и пропаганде традиционной педагогики.

- 1) Приобщение детей к истокам народной культуры в дошкольных образовательных учреждениях и школах-садах г. Новосибирска.и области

Народное искусство в воспитании дошкольников и младших школьников.

2) Изучение и возрождение традиций народной культуры в учреждениях и группах дополнительного образования (художественных, музыкальных, спортивных и др.). Школа русской традиционной культуры «Васюганье» (В. И. Байтуганов). Детско-юношеский этноэстетический центр «Берегиня» (Л. И. Васеха).

3) Новосибирск – центр фольклорного движения. Фольклорные ансамбли Областного центра этнографии и фольклора (В. В. Асанов), Дома народных традиций (О. И. Выхристюк). Педагогическая деятельность фольклорных ансамблей и групп.

Занятие 8 может проводиться в двух вариантах: 1) в форме встречи (беседа, пресс-конференция) с конкретными новосибирскими педагогами, фольклористами, этнографами, успешно организующими работу с детьми и подростками в своих учреждениях и коллективах; 2) в форме «круглого стола» с заслушиванием и обсуждением заранее подготовленных студентами сообщений об адресах интересного опыта.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ, КОНТРОЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Практические задания для самостоятельной работы студентов.

1) Выпишите два–три высказывания К. Д. Ушинского о народной педагогике, ее непреходящей ценности. **Прокомментируйте их** (Воспользуйтесь предметным указателем к собранию сочинений.)

2) Расспросите родителей, других старших родственников о происхождении вашего рода, семьи. Составьте свое восходящее или нисходящее родословие, оформите его в виде родословного древа или таблицы.

3) Запишите воспоминания своих родителей, старших родственников о том, как их воспитывали в детстве в родительской семье. Какое участие в их воспитании, обучении принимали отец и мать, бабушка и дедушка, старшие братья и сестры, другие члены семьи?

4) Расспросите своих родителей, бабушек и дедушек об играх времени их детства. Вспомните о том, во что играли вы сами, ваши сверстники. Напишите эссе на тему «Игры и игрушки трех поколений».

5) Расспросите родителей, других членов семьи об их особо любимых песнях. Есть ли среди них народные песни? Почему они им нравятся?

6) Вспомните о своих первых трудовых поручениях в родительской семье, о первых днях самостоятельной трудовой деятельности. Какую роль они сыграли в вашей жизни?

7) Выясните, какие материалы по народной педагогике, этнографии детства и родительства хранятся в местном краеведческом музее. Составьте их описание, дайте их анализ с точки зрения возможности использования в исследовательской работе по истории культуры, в практической педагогической деятельности.

8) Припомните и опишите известную вам педагогическую ситуацию, в которой учителем, воспитателем были использованы народные этнокультурные традиции воспитания, обучения (продуктивно или неэффективно). Дайте оценку действиям педагога.

9) В начальных классах часто проводятся физкультминутки. Составьте свой вариант, используя произведения фольклора своего и других народов.

10) Власть родителей над детьми – хорошо это или плохо? Припомните и проанализируйте известные вам случаи позитивной роли родительского *авторитета* и негативного влияния *авторитарности* взрослых на личность ребенка.

11) В сочинениях А. С. Макаренко много фактов и примеров из народной педагогики. Найдите несколько из них. Можно ли «Книгу для родителей» принять за пособие по этнопедагогике семьи?

12) Приведите отрывок из художественного произведения или вспомните случай из собственной жизни, которые можно было бы прокомментировать конкретной пословицей или поговоркой.

13) В жизни колонии, руководимой А. С. Макаренко, творчески воспроизводились некоторые из крестьянских традиций. Найдите в сочинениях великого педагога доказательства этого утверждения. (Сравнительный материал найдите в помещенной далее хрестоматии по русской традиционной педагогике Сибири.)

14) Познакомьтесь с книгой В. А. Сухомлинского «Родительская педагогика», выпишите и прокомментируйте интересные мысли автора о воспитании детей в семье.

15) В текстах помещенной далее хрестоматии найдите факты, характеризующие отношение сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. к школьному обучению детей. Прокомментируйте эти факты, раскройте причины имеющихся здесь противоречий.

16) В текстах хрестоматии найдите факты, характеризующие взаимодополняющую роль отца и матери, бабушек и дедов, старших детей, общинных институтов в трудовом воспитании детей. Составьте таблицу, которая поможет представить эту роль в сжатом и наглядном виде.

17) Отыщите в хрестоматии примеры использования в семейной или общественной традиционной педагогике следующих методов воспитания: пример, убеждение, разъяснение, приучение, упражнение, пожелание,

благословение, просьба, совет, намек, одобрение, упрек, уговор, запрет, угроза, брань, побои. Оцените эффективность их применения в каждом из описанных конкретных случаев.

18) В текстах хрестоматии найдите факты, доказывающие природосообразность традиционной педагогики, ее синкретизм, соответствие принципу «Не готовить к будущей жизни, а включать в реальную жизнь сегодня».

19) Сформулируйте две–три исследовательские темы для студенческой курсовой работы, два–три вопроса для мини-сочинений старшеклассников так, чтобы эти работы можно было сделать, опираясь в основном на тексты источников, помещенных в хрестоматии.

20) Опираясь на тексты хрестоматии, выделите: а) жизнеспособные, ценные и в современных условиях элементы традиционной педагогики; б) исторически обусловленные, но неприемлемые для современного человека и общества элементы. Аргументируйте свою классификацию.

21) Хрестоматия содержит источники, дающие представление не только о традиционных элементах, но и о переходных (к современным, модернизированным) формах народной педагогики. Найдите в текстах описание двух–трех таких переходных форм или состояний, объясните критерии своего отбора.

22) Опираясь на тексты хрестоматии, выделите не менее трех общих черт традиционной и современной систем семейного воспитания. Сформулируйте несколько их наиболее ярких отличий.

23) В Сибири раньше была в ходу такая поговорка: «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат – всю жизнь так». Прокомментируйте ее. Насколько она справедлива в современных условиях?

Темы письменных контрольных работ.

1) Традиционная педагогика как важное универсальное явление в истории педагогической культуры человечества.

2) Вклад Г. С. Виноградова в формирование и развитие этнопедагогики

как научной дисциплины. (Возможны также работы о вкладе О. И. Капица, М. В. Красноженовой, М. Н. Мельникова, Г. Н. Волкова и иных ученых.)

3) Отражение традиционного народного педагогического наследия в теоретических взглядах и практическом опыте Б. П. и Л. А. Никитиных. (Возможны работы о взглядах и опыте Ш. А. Амонашвили, И. П. Иванова, М. П. Щетинина и других известных педагогов).

4) Сочетание национального и общечеловеческого в русской (украинской, татарской и др.) народной педагогике.

5) Этика межвозрастного общения в русской (татарской, российско-немецкой и др.) народной педагогике.

6) Особенности традиционной педагогики русских сибиряков-старожилов. (Возможны отдельные работы по семейному, общественному воспитанию, гуманистическому, трудовому, экологическому воспитанию и т. д.).

7) Обычаи и обряды дородового периода в русской крестьянской среде Сибири: структура, функции, историческая эволюция.

8) Родильная и крестильная обрядность в русской традиционной среде: сакральные, коммуникативные, педагогические функции.

9) Содержание и формы обучения (умственного воспитания) детей в сибирских вариантах русской традиционной педагогики.

10) Нравственный идеал совершенного человека в сибирских вариантах русской традиционной педагогики.

11) Роль неформальных детских, подростковых сообществ в процессе социализации их членов (по материалам Сибири конца XIX – первой трети XX в.).

12) Физическое воспитание, развитие и тренировка в сибирских вариантах русской традиционной педагогики.

13) Роль природного окружения в социализации подрастающих поколений (по материалам русской традиционной педагогики Сибири).

14) Пример старших – ведущий метод традиционной педагогики (по материалам о русских сибиряках).

15) Принцип детской самостоятельности – яркое достижение традиционной

педагогики (по материалам сибирской деревни конца XIX – первой трети XX в.).

16) Поэтапность приобщения детей к труду в русской традиционной педагогике Сибири.

17) Поощрение, убеждение, принуждение и наказание (а также другие методы) в традиционной педагогике русских сибиряков.

18) Особенности социализации мальчиков и девочек в традиционном сообществе русских крестьян-сибиряков.

19) Многодетность как важное условие успешной семейной социализации в традиционном сообществе крестьян-сибиряков.

20) Общественное мнение как важный регулятор семейного и общественного воспитания (по материалам Сибири конца XIX – первой трети XX в.).

21) Роль христианской религии и православной церкви в воспитании детей в сибирской деревне досоветского периода.

22) Образ матери в русском (белорусском, армянском и др.) фольклоре.

23) Формы проявления национального характера в народных танцах.

24) Приобщение детей к основам народной культуры на музыкальных занятиях в школе искусств.

25) Сочетание национальных традиций и новаций во внеклассной воспитательной работе в современной школе.

26) Роль народных традиций в воспитании, обучении, развитии современного ребенка.

27) Актуальность народного опыта социализации подрастающих поколений в условиях модернизации системы образования в России.

Вопросы итогового экзамена (зачета).

1) Традиционная педагогика как часть и историческая форма воспроизводства народной культуры.

2) Этнопедагогика как междисциплинарная отрасль науки. Соотношение понятий «народная педагогика», «традиционная педагогика»,

«этнопедагогика (этническая педагогика)».

3) История становления и развития этнопедагогики, этнографии детства и родительства в мировой науке.

4) Исторические источники для изучения традиционной педагогики народов России.

5) Народное воспитание в наследии классиков педагогики (три–четыре имени по выбору студента).

6) Условия жизни и образ жизни народа – основа народной (в том числе традиционной) педагогики.

7) Образы детства как культурный и ментальный феномен. Особенности образов детства в традиционном обществе.

8) Структура и функции традиционных народных педагогических знаний.

9) Христианские основания народного идеала человека, процесса социализации молодежи в традиционной среде. (По желанию студента «христианские основания» в данном вопросе можно заменить исламскими, буддийскими, иудаистскими и др.)

10) Религия и церковь как важнейшие институты социализации подрастающих поколений в традиционном обществе.

11) Роль родного языка и народного искусства в социализации подрастающих поколений.

12) Педагогическая роль пословиц и поговорок в традиционной культуре.

13) Загадки как средство традиционной педагогики.

14) Народные песни как средство традиционной педагогики.

15) Сказки как средство традиционной педагогики.

16) Игра и игрушки как фактор традиционной системы социализации.

17) Общение с природой как фактор традиционной системы социализации.

18) Соционормативная культура, традиционная этика труда и досуга как педагогический феномен.

19) Педагогическая роль патриархальной семьи и межпоколенного общения в традиционном обществе.

20) Использование традиционных педагогических знаний и опыта народа в современном учебно-воспитательном процессе образовательных учреждений.

21) Учет традиционных педагогических знаний и опыта народа в современной практике семейного воспитания и строительства семьи.

22) Связь традиционной педагогики и современной практики общественного воспитания подрастающих поколений.

РУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА СИБИРИ (ХРЕСТОМАТИЯ)

М. Красноженова. РЕБЯТА ХОРОШИ БУДУТ ОТ ДОБРОЙ МАТЕРИ

Красноженова М. В. Ребенок в крестьянском быту: Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX – первой трети XX в. – Новосибирск, 1998. – С. 11–50.

Мария Васильевна Красноженова (1871–1942) – известный красноярский педагог, фольклорист, этнограф-краевед, исследователь культуры и быта старожилов Приенисейского края. В 1909–1929 гг. собирала материалы по этнографии родительства и детства, народной педагогике. Написанная ок. 1930 г. рукопись «Ребенок в крестьянском быту» хранится вместе с подготовительными материалами в Красноярском краеведческом музее. В нашей книге она перепечатывается в сокращенном виде с издания 1998 г., но с учетом текста оригинала и в новой редакции.

<...>

Интерес к ребенку.

Прежде всего, хотелось бы выяснить, желательны ли дети в крестьянской семье. И мои личные наблюдения, и подслушанные беседы, преимущественно среди женщин, и ответы на прямо поставленные вопросы убедили меня, что дети для крестьянской семьи являются желательными. Семья без детей не считается полной семьей, и к бездетным супругам все окружающие относятся с искренним сожалением, говоря: «Ведь вот имя' не дает Бох ребят – что поделашь. А уж без ребят чо? – сама знашь».

Наиболее желанными в крестьянстве являются мальчики как будущие работники для семьи, замена отца в старости. На дочерей смотрят, как на временного члена семьи: «Чо девка – сколь ни пой, ни корми, а из семьи уйдет. Одно слово – отрезанный ломоть». Конечно, надо добавить, что

таково отношение к полу будущего ребенка всей семьи, но сама мать ничего не имеет против девочки, так как до выхода замуж дочь будет ей помощницей «по домашности».

Забота о будущем поколении сказывается в семье уже тогда, когда еще только начинают парня женить. При выборе невесты толкуют о том, чтобы невеста была «из хорошей семьи, из доброва роду», надеясь, что и «ребята хороши, добры будут от доброй-то матери».

Приметы и гадания о поле ребенка на свадьбе.

Желание заранее узнать о том, кто первый родится у молодухи – мальчик или девочка, приводит окружающих к целому ряду примет и суеверий. Например, когда после венчания кончаются «первые столы», то происходит обряд «окручивания» молодой¹. Две свахи – женихова и невестина – разделяют волосы молодой на две пряди и начинают торопливо плести ей косы. Если вперед заплетает женихова сваха, то первый ребенок у молодых будет мальчик, а если невестина, то девочка. Тогда свахи, а чаще дружка объявляют во всеуслышанье: «На перву ночку дас Бох сыночка», или «На перву ночку пошлет Бох дочку».

Довольно скоро представлялся новый случай угадыванья. Когда еще соблюдался обычай «поднимания молодых» в присутствии свидетелей² (а этот обычай во многих деревнях соблюдается и до сего дня), то снятая с молодой после первой брачной ночи рубашка подвергалась рассматриванию свах и свекрови: если пятно на рубашке ярко-алое, то первый ребенок будет мальчик, а бледное – то девочка.

Положение молодых в семье.

Молодая женщина в новой семье первое время чувствует себя неважно. Во-первых, на нее взваливается вся работа, которую раньше выполняла

¹ Обряд «окручивания» молодой (посвящения ее в сан женщины) проходил в доме жениха после родительского благословения новобрачных, в начале свадебного пира.

² Обычай «поднимания молодых» заключался в том, что родственники и дружка будили новобрачных во время или после брачной ночи и удостоверялись в «непорочности» невесты по следам крови на ее ночной рубашке.

свекровь по хозяйству, только печенье хлебов иногда свекровь продолжает делать сама. Во-вторых, она все время находится под критическими взглядами членов семьи: «То не так, да это не так», – одним словом, «всяко бывает». Кроме хозяйственного наблюдения, вся семья и близкие с интересом наблюдают «молодуху» с другой точки зрения и время от времени спрашивают у свекрови: «Что, молодуха-то у вас не понесла ешшо?» Или: «Молодушка-то сулит чо? Али ешшо нет?» Когда появляются первые признаки беременности, молодая мать подвергается в «бытовой лаборатории» целому ряду наблюдений и опытов:

1) Рассматривают форму живота: если живот «вострит», то родится мальчишка, а коли тупой, круглый, то девчонка.

2) Если лицо у беременной худое, осунувшееся, то это к мальчику, а полное, цветущее – к девочке.

3) Просят бабу протянуть вперед себя обе руки. Если она их протягивает вверх ладонями, то будет девочка, а если внешней тыловой стороной – будет мальчик.

4) Садилы беременную молодуху на пол, ноги «под себя» – «потунгусски», и руки чтоб сложила спокойно, потом предлагают встать. Если она при вставании оперлась правой рукой об пол, то первый будет мальчик, а если левой – то девочка, и т. п.

Одним словом, все такие гадания и опыты над молодой матерью подтверждают небезразличное отношение к будущему поколению. При этом приходится заметить, что семье не только хочется иметь внука, но высказываются пожелания, чтобы этот внучок был красивый, приятной внешности, а поэтому молодой «указывают» или советуют, чтобы она старалась смотреть на красивых людей – «тожно и ребенок будет красив». Предупреждали ее, чтобы она не останавливала своего внимания на каких-либо уродствах, не смотрела бы на неприятных животных. Как на последствия от этого приводят ряд случаев:

1) «Вон Дарья-то увидела мышь невзначай, девчонка-то у ней и родилась с родимым пятном. Ну вот, как есть мышь».

2) Если ребенок родится смуглым, то окружающим объясняют это тем, что «однако, при цыгане пошевелился».

3) Нехорошо, если беременная женщина увидит неожиданно пожар. Куда во время испуга она положит руку, на том месте будет красное пятно. Приводят примеры, что «у Анны родилась девочка с родимым пятном красного цвета на щеке, потому что Анна испугалась пожара и приложила руку к щеке», а «у Лепестины красное пятно на груди, потому что мать испугалась и приложила руку к груди», и т. п.

Отношение семьи к беременной женщине.

Несмотря на интерес к будущему поколению, в большинстве случаев в крестьянских семьях положение беременной женщины было тяжелое. Не считались с ее положением и наваливали на нее всю тяжелую работу по дому. Свекровь обычно говорит про невестку: «Я работала, пусть и она работает – не расколитца». Или: «Что ей сделатца, все так, не она первая, не она последняя. В крестьянстве не до нежностей».

Насколько мало внимания обращали на будущую мать, даже первородящую, свидетельствуют многочисленные рассказы женщин об этом. Так, Дарья Дмитриевна «подняла камень пять пуд с огурцов, ну и замаялась потом с бабками, а все-таки пришлось скинуть». Лукерья Дмитриевна из подвала поднимала одна кадку с огурцами: «Поставлю на ступеньку, да животом подопру ее, да опять на другую ступеньку, опять животом подопру, а на выходе-то и завязла, а кадка давит на живот. Давай кричать. Услыхали, как быть, помогли». – «Рассказывала это вот Марья: уж совсем на сносях была, а ее послали в поле жать. Она, матушка, и давай маятца: пожнет, пожнет, да приляжет, боли-то отойдут, она опять жать, ее опять схватит. Ну, уж тут мужик-то и говорит: “Иди домой”. Она только это в лесок зашла, тут ей Бож и дал ребеночка».

Подобных случаев не только из прошлого, но и настоящего рассказывают много. Из этого мы видим, что особенной заботливости о беременных женщинах не было, так что многие ходили до последнего момента на работу:

«Котора родила на покосе или пашне, котора – на дороге с пашни, котора – в огороде» и т. д. Работали вперемежку со схватками, особенно трудно приходилось «одиноким»¹ женщинам в больших семьях.

Изредка как в старину, так и теперь встречаются такие редкие семьи, которые вполне сознательно освобождают беременную от тяжелых работ в последние дни перед родами, но нужно оговориться, что заботились не столько о матери, сколько о ребенке. Особенно старались избавить ее от такой работы, где она могла бы «надсадитца» и последствием мог быть выкидыш. В старое время, если женщина оступится или упадет, или еще что-нибудь с ней случится, то, чтобы она не «скинула», ее поили с креста²: «Ни за что не скинет, даже если бы и хотела». Вообще, старались не допускать до выкидыша, и только в тех исключительно редких случаях, когда в силу какого-нибудь особого положения (например, беременность незамужней девицы) надо было избавиться от ребенка или предупредить его зарождение, тогда пили «дикий перец, порох, луково перо, борец, едкую хину» – все это в очень больших дозах. Пили настойку еще одного растения, «корень которого походит на пять пальцев»³. Корень поджаривали на сковородке, и если он подпрыгнет, то не надо пить его, «толку не будет».

Таково положение беременных женщин не только в отдаленном прошлом, но и в наши дни. Только в тех местностях, где открыты медицинские консультации, положение значительно улучшилось, так как указания и советы консультантов беременные женщины стараются выполнять, а свекрови и другие члены семьи «скрепя сердце» подчиняются требованиям врачей.

В ожидании ребенка.

Каких-нибудь особенных приготовлений к появлению ребенка не бывает, но все же первородящей указывают, что надо приготовить заранее и из чего.

¹ «Одинокая» в данном случае – единственная трудоспособная женщина в составе семейного домохозяйства.

² Поили водой, освященной путем погружения в нее серебряного животворящего креста во время большого церковного праздника (Богоявление, Крещение). Эта вода хранилась в семье на почетном месте.

³ Речь идет об одном из видов дикой орхидеи. В зависимости от того, сколько «пальцев» – отростков корня – было употреблено для изготовления настойки, женщины рассчитывали на один, два года или больший срок предотвращения беременности.

Ей советуют: «Ты стары-то рубахи не рви на тряпье, годятся тебе пошить чо надо на перво время».

Шьют распашонки, «подгузки» (подстилки), некоторые делают «свивальничек» («пеленишник») и простынки. Но каждая заботливая мать или свекровь передает дочери или невестке сохранившееся стеженое детское одеяльце. Если же нет такового, шьют новое, чаще всего из «сборка», то есть разноцветных лоскутьев в форме треугольников. В последние годы более заботливые мамы делают еще «празднично одеяло», для которого покупают цветной сатин (голубой, розовый, синий, бордовый) для верха и ситец для низа, и которое стежат.

Быть может, есть и другие какие-либо приготовления, но путем опросов и бесед ничего не удалось больше выяснить, наблюдать же непосредственно в крестьянской семье предродовое время мне не представилось возможности.

Приготовления к родам.

Чувствуя приближение родов, в «прежнее время» беременная женщина просила у свекра, свекрови и других близких прощения за грубость, непослушание и прочие свои недостатки, кланяясь им в ноги, так как она готовилась «к смертному часу». Такое настроение в старину было вполне понятно. Тогда роженицы были предоставлены на большие предродовые испытания, нередко кончавшиеся действительно смертью.

В настоящее время, когда крестьянки могут рожать в родовспомогательных отделениях при больницах, где таковые имеются, а также и самый уклад семьи значительно изменился, этот стародавний обычай отходит в прошлое, что с огорчением констатируют старухи: «Нонче-то никто это не выполняют – другой народ пошел».

Приглашение повитухи.

Одной из главных забот роженицы и ее близких является стремление обеспечить себя помощью при родах, т. е. подговаривают бабу-повитуху: высчитывают приблизительный срок и сговариваются с ней.

После сговора с бабкой некоторые женщины «последнее время» ходят к бабке «правиться», но это, по мнению деревни, надо не всем. Обычно же за несколько дней до того, как родить «по счету» пора, бабушка-повитуха приходит сама и «правит живот». К первородящей, «котора первеньким», «баушку» зовут с первых же схваток, а к тем, которые уже рожали – когда начнутся частые схватки.

Если дом имеет несколько комнат, то роженицу устраивают в наиболее отдаленную комнату, чтобы даже домашние не знали ничего. При маленьком помещении и многолюдной семье – устраивают обычно в бане. Часто сама беременная приготавливает баню: вымоет и вытопит ее и унесет туда все, что может понадобиться при родах. Бабке заранее скажут, куда идти, она «уж прямо в баню и идет». Нужно отметить, что размещение рожениц в бане очень рискованно, так как здесь чаще всего простужаются не только они, но также и новорожденные дети.

Когда начнутся «схватки», сейчас же кто-нибудь из семейных идет за бабкой, но никогда ее не зовут прямо к родильнице, а зовут иносказательно, будто бы по другому делу. Однако она «сразу сдогадыватца, зачем ее надо, – возьмет, чо ей надо, и идет». Чтобы соседи не узнали об этом, бабка старается из дому идти незаметно: или «по задам» (не по улице) пойдет, или присоединится к кому-нибудь идущему в нужную сторону, под предлогом зайти в лавочку или к кому из своих, чтобы думали, что она идет «по своей нужде». Это делается так потому, что существует поверие: роженице «тяжело родить, если много народу знает».

Роды. Повивальные приемы.

Когда начнутся схватки, родящая уходит в приготовленное для родов помещение, и «баушка», придя туда же, прежде всего осматривает больную, освидетельствует положение ребенка. Если плод расположен неправильно, то «правит – ставит ево на путь». Если положение ребенка неправильно, то это уже заранее намечает тернистый путь для роженицы. Хорошо, если бабка достаточно опытна и сразу поймет тяжелый случай.

В последние годы с развитием сети родовспомогательной помощи бабка в случае неправильного положения советует скорее возить больную к ближайшему доктору или привезти доктора к больной, но это возможно лишь в том случае, если больница не особенно далеко, верст за 25–30. Там, где до больницы далеко, а в своей деревне нет ни фельдшера, ни фельдшерицы, повивальным бабкам приходится и в трудных родах выкручиваться самим, и во многих случаях для женщины наступает пора тяжелых испытаний.

У деревни в силу суеверий есть целый запас средств, которые будто бы облегчают роды, а поэтому бабка прежде всего и пускает в ход эти предупредительные меры:

1) Существует поверье, что если кто-нибудь найдет в гнезде мыши маленький камушек, то «ево надо беречь: с им лехко родить женщине ли, корове ли, кобыле ли». Вот каждая бабка и старается добыть такой камушек и иметь его при себе, когда идет «бабничать».

2) Используют «нечаянный уголек», то есть если уголек с огнем выскочит из печи, то «ево тушат, и скоре в мешочке истолчи и выпить подай родильнице – мучиться не будет».

3) Читают известный апокриф – «Сон Богородицы»¹, что также по суеверным понятиям должно облегчить муки роженицы. Так как не всякая баушка его может выучить наизусть, то неграмотная бабка имеет при себе в мешочке переписанный его текст, который и подкладывает под постель родильнице или на шнурке надевает ей на шею.

Кроме подобных вспомогательных средств, бабки употребляют и ряд других. Если, несмотря на сильные схватки, родовой процесс замедляется, то для ускорения родов бабки дают отвар «богородской травки» (чабреца). Некоторые дают вино («Выпей, матушка, легче родишь»), прогревают

¹ Широко распространенный духовный стих. Ему приписывали чудодейственную силу спасения от бедствий, предупреждения болезней, исцеления от них. Фрагмент текста, бытовавшего на юге Енисейской губ.: «Буде-же, аще жена беременна и несет чрево тяжело и не может родити младенца сына или дщерь, тогда речет Господь Бог святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову – святой апостоле и евангелисте, Иоанне Богослове, гряди к жене сей болящей и дыхни ей в правое ухо и рцы – младенец, изыди из утробы матери своей, и тогда мать родит легко младенца сына или дщерь». (Клеменц Д. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского окр. – Иркутск, 1888. – С. 12.)

нижнюю часть живота горячими компрессами и т. п.

При «трудных родах» в старое время, а в глухих деревнях и теперь ставили роженицу на колени и заставляли братья руками за какой-нибудь брус или веревку, подвешенную выше головы, и подтягиваться на руках вверх, чтобы больше напряжения было в низу живота, надеясь, что при таком положении ребенок «легче выйдет». Раньше, да и теперь «которые бабки» встряхивают родильницу головой вниз, «чтобы ребенок перевернулся». Делается это так: перекидывают через какую-нибудь балку кушак, одним концом привязывают покрепче за ноги родильницу, а за другой конец тянут – поднимают быстро вверх и быстро опускают, как бы сбрасывают. Так несколько раз... Или сильная физически бабка это проделывает так: роженица лежит пластом, бабка ноги лежащей ставит и берет их под коленки, поднимает и встряхивает ее, как мешок утрясая, тоже надеясь таким приемом заставить ребенка принять правильное положение.

Когда вышеприведенные методы не помогают, тогда обращаются к помощи «вышней силы», т. е. к святым:

1) Просили священника ближайшей церкви открыть «царские ворота»¹. Вера в эту меру жива до сегодня, и рассказов на эту тему приводится масса. Например, мне рассказывали: «Вот у Насти: открыли царские ворота – дал Бох дитя, а то замучилась бы».

2) Читают молитвы «Власию» и «Великомученице Екатерине».

3) Служат молебны «Божей Матери».

Кроме того, еще расплетают у роженицы косы, развязывают на ней все узлы, вынимают из ушей серьги, заставляют и мужа развязать узлы своей одежды. Поили и поят роженицу «свенчальным мылом»² и т. д. Если же и после всех подобных усилий плод лежит неправильно, и нет надежды на его естественный выход, то бабка «приступает» и пробует его или направить, или вынуть, причем в таких случаях бывают большие неудачи. Так, в д.

¹ Царские ворота в христианской церкви – центральная дверь в иконостасе, ведущая из среднего храма (помещения, где стоят все верующие) в «святое место» – алтарь.

² «Свенчальное мыло» – полученное в дар от жениха и употребившееся невестой во время свадебного обряда. Его применение во время родов имело магический смысл (ритуальное очищение) и практическое значение – стимулировались рвота и понос.

Большой Терехиной «пошел ребенок не путем, бабка его и так, и сяк, тянула-тянула, да ручку и оторвала. Все одно пришлось везти в город, там его частями духтора вынули».

Новорожденный и уход за ним.

Когда родится ребенок, то все внимание бабки обращается на него. Прежде всего она завязывает пуповину на один вершок¹ и на два вершка после перевязи отрезает. Другие бабки отрезают на полтора вершка, а «которые бабки не отрезают пуповину-то сразу, ждут, кожды местечко выдет». Некоторые перевязывают пуповину в двух местах и в середине перерезают. Одна бабка в д. Заледеевой [Красноярского р-на] мне объяснила: «Пуповину-то перевязываю для того, чтоб улевишша (кровотечения) не было».

После этого приступают к купанию новорожденного, для чего употребляют чаще всего сельница², но в последнее время у многих можно встретить ванночки. Моют ребенка в теплой воде.

Это, казалось бы, простое дело в разных местах делается по-разному. Так, в с. Балахта [одноименного р-на] в 1926 г. наблюдалась такая картина купания новорожденного: бабка сидела на печи с оголенными бедрами, на которых лежал новорожденный, а возле бабки в черепушке была вода, которой она поливала ребенка. Вода с ребенка стекала на бедра бабки, с них на печь. Обмыв, спеленала ребенка, перекрестила его широким крестом, потянула и погладила носик, «чтоб был востренький». В с. Батой [Красноярского р-на] «бабка купат ребеночка в теплинькой воде, промывает во рту, в ушах, голову обтирает ево и запеленыват». В д. Заледеевой баушка повивальная так рассказывала: «Ребенка мою в первой воде хорошенько с мылом (у другова плоти – чуть не на палец), а потом, как вымою, оботру его и маслицем помажу, чтоб кожица мяконька была, не трескалась».

Вымытого и запеленутого ребенка большей частью кладут на печь, чтоб он «не крычал», сразу же дают ему соску:

¹ *Вершок* – русская мера длины, равная 4,45 см.

² *Сельнице* (от слова «сеять») – большое деревянное корыто, лоток, в который просеивали муку, нарезали лапшу, где промывали сбитое сливочное масло и т. п.

1) «Сунут ему в рот соску – нажеванный хлеб или свеклу. А в старину ешшо первую соску давали с порохом, штоб грыжи не было» (с. Кускун [Манского р-на]).

2) «Бабка берет реденьку тряпочку, нажует свеклу самую закоренелую, от грыжи это делают. Завяжет соску, обсосет сама и сунет ребенку, он и лежит» (с. Батой).

3) «Раньше-то как положут ребенка, так сразу суют ему в рот соску со ржаным хлебом или свеклой, а я теперь так делаю: намочу в сахарной водичке чистенькую тряпочку и дам ему» (д. Заледеева) и т. д.

При первом же купанье баушка обращает внимание на форму головы ребенка, и если та очень неправильная, то она ее «выправляет», понемногу надавливая, поглаживая ее. Если ребенок рождается очень больным, то баушка сама его «омолитственнит», т. е. наречет ему имя и погрузит его в воду до трех раз, читая: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» (повсеместно).

Практиковалось несколько способов оживления новорожденного. «Если ребенок рождается обмерший, то его баушка кладет на левую руку, а правой шлепает по заднице – он заверешшит». Когда это общепринятое средство не подействует, то «ешшо подкуришь под нос зажженой тряпкой, он и чихнет» (д. Заледеева). И, наконец, третий способ оживления таков: «Откроет ему бабка рот и дует ему в рот изо всей силы – отдувает его» (с. Батой).

Заканчивая раздел об уходе за новорожденным, нужно еще указать на одно суеверие, бытовавшее в наших деревнях и относящееся к моменту рождения ребенка. В это время стараются в дом никого не пускать, а если кто зашел в дом и узнал, что тут скоро родится ребенок, то его не выпускают до тех пор, пока ребенок не родится. Кроме того, надо добавить, что повивальная бабка старается молчать все время, пока дитя не родится – «оно тогда спокойным бывает» (с. Новоселово [одноименного р-на]).

Уход за роженицей.

Пока бабушка управляет с ребенком, родильница терпеливо лежит на своем жестом ложе, то есть на голых досках (иногда еще подкидывают

старые половики). Положив ребенка на печь или в другое теплое место, бабка шла к роженице и ждала выхода последа – «местечка». Когда оно выйдет, «бабка завертывает его в чистую тряпку и закапывает где-нибудь поглубже во дворе» (с. Кускун). Или еще так: «Ковды местечко родится, то бабка завертывает его в тряпку, солит солью и хоронит в подполье, читая “Во имя Отца и Сына...”» (с. Батой, д. Заледеева).

Если выход последа задерживается, то для ускорения дают отвар «желтова цветка»¹ и мыльную пену. В д. Проезже-Комской ([Новоселовский р-н], запись 1912 г.) в случае задержки последа к пуповине роженицы привязывают мешок и веник-голик, три раза приговаривают: «Стану я, благословясь, стану, перекрестясь, пред тремя дверьми. Дай благословенье муке-мученице Дарье». Другие же бабки поступают так: «Осторожно поправишь живот или немного его приподынешь и подавишь вниз, чтоб послед вышел. Если и это не поможет, то ставишь ноги родильницы в теплую воду» (д. Заледеева).

По выходе последа «подмывать не полагаются, а только подкладывают сухо тряпье» (с. Кускун). Только в Заледеевой знакомая мне бабка подмывает роженицу, кладет ее на чистое белье и дает ей отдых.

Баня.

Когда бабка сделает все необходимое на первых порах, то дальнейшей ее заботой является приготовление для родильницы и новорожденного бани с «лехким паром». Многие бабки сразу же ведут родильницу в баню, другие считаются с ее силами и ведут спустя больше времени:

1) Если родила ночью или утром, то в этот же день, а ежели вечером, то на другой день бабка топит баню и ведет родильницу в «лехкий пар», моет ее и слегка парит. «Одну бабу в две бани сводишь, а другу в три, кому как надо» (села Балахта и Кускун).

2) «Бабка велит топить баню для родильницы, сама ее поправит, подвяжет ей живот и, как баня готова, ведет ее потихоньку туда, где ее парит или так помоеет, наденет ей чисто белье и ведет домой. Там она даст ей вина с травой

¹ «Желтый цветок» – один из видов лютика или ромашки.

ромашкой, а то “Зубровки”¹ даст, котору в городе покупают. После того дают ломоточек хлеба тоненький с солью и чаю поснова» (с. Батой).

3) «Раньше бабки сразу же велели топить баню и вели в нее родильницу, там ее парили, мыли и совсем обессиленную вели домой, а я веду в баню на другой или на третий день, смотря по силам» (д. Заледеева).

Обычно в бане бабки правят роженицу, потом ребенка моют и тоже парят, но с наговором, а потом, завернув потеплее, отправляют домой. Если родильница очень слаба, то ей дают пить «краснобыл», «василисник», «тысячелистник», «перелойку»² и др. (села Батой, Емельяново [Красноярского р-на]).

Для прекращения послеродового кровотечения родильнице дают пить отвар луковых перьев и спорынью³. Как успокоительное после родов дается «воронец». Если у родильницы случается «грудница», то надо размочить и прикладывать «жарки цветки» (купальницу). Для восстановления сил дают отвар чаги – «наросты на березе».

Встают женщины после родов с постели на третий или четвертый день. Если в семье другой женщины нет, то баушке в хозяйстве помогает муж [роженицы]. При хорошем здоровье и нужде некоторые родильницы встают с постели в тот же день или на второй.

[Расставание повитухи с роженицей.]

Чтобы закончить с материалом послеродового периода, надо отметить момент ухода баушки от роженицы. После родов бабка у родильницы остается еще три дня, чтобы дать ей возможность оправиться, но если женщина слаба и бабка свободна, то она и дальше остается. Бывает и такое положение, что баушка не успела справиться все у одной женщины, а ее уже зовут к другой. Тогда баушка уходит, только забегаая «на минуточку» попроведать опекаемую.

¹ «Зубровка» – сорт водки промышленного изготовления.

² «Краснобыл», «василисник», «тысячелистник», «перелойка» и далее «воронец» – различные виды дикорастущих трав, из корней, стеблей, цветков или плодов которых делались настойки и отвары.

³ Спорынья – паразитический ядовитый грибок, появляющийся в колосьях ржи и пшеницы вместо нормального зерна.

Когда в течение трех дней баушка водила бабу в баню и после третьей бани собирается уходить домой, тогда происходит обряд «размывания рук». Происходит это так. Берут ведро или ковш с водой, туда роженица и баушка кладут свои крестильные кресты, роженица опускает в воду, сколько может, серебряных денег (от 20 к. до рубля), приготовляет заранее кусок мыла, полотенце и головной платок, и тогда начинают «размывание рук». Сперва бабка поливает родильнице на руки, и та должна до трех раз намылить руки и смыть мыло. После смывания обе вытирают руки одновременно тем платком или полотенцем, которое родильница приготовила «баушке на руки». В некоторых деревнях подкладывают веник, на который льют воду с рук. Потом они обе берут свои кресты, надевают их, молятся Богу, целуются, и бабка желает матери и ребенку «добрава здоровья».

После размывания рук раньше родильница должна была кланяться бабке в ноги, но теперь это редко кто соблюдает. Мыло, полотенце или платок и деньги, положенные в воду, – все это идет бабке за труды («баушке на руки»). После того бабка уходит домой (села Комарово, Балахта, Емельяново и др.). Когда бабка после размывания придет домой, то кладет три поклона перед иконами: «Дай тебе Господи навеки на здоровье» (с. Кускун).

Позднее, когда родильница оправится и начнет выходить из дома, она покупает «баушке на рукава» или на фартук материи. Деньгами богатые больше дают (села Батой, Кускун). Бабка, уходя от роженицы, особенно первородящей, наказывает ей, чтобы она «перво время не мыла полы, не стирала, лапшу не наминала, не пила бы квасу, не ела бы зелени, не пила бы ничего холодного, покуда желудок сырой» (д. Заледеева).

Поверья о роженицах.

В крестьянском быту есть обычай «приноса роженице». Когда женщина родит, то ее ходят «проведывать» и «несут ей что-нибудь. Кто приготовит пирог с рыбой али медку (особенно хорошо), ковды несут пива, хлебца» и т. д. Особенно стараются не ходить с пустыми руками к своим близким родственницам-родильницам (Батой и другие селения).

Бытует ряд поверий относительно роженицы, примеры которых приведены выше: стремление не выпускать из дома зашедшего во время родов человека, приглашение бабки замаскированным путем. Из числа других поверий приведу следующие:

1. Существует убеждение, что родильниц легко «изурочить», «сглазить», «озевать» и т. п. В таких случаях бабки принимают предупредительные меры в виде наговоров и прочих средств. Так, в с. Косуль баушка умывает роженицу с молитвой кресту: «Крест хранителю, крест [в]сия [В]селенная, крест красота церковная, крест бесам язва, крест ангелам слава, крест верному утверждение, крест прогоняй супостата, крест от нечистых мыслей, крест от забытия ума, кресту твоему поклоняемся». Эту молитву бабка читает до шести дней – «потому што может чо-нибудь ей показатца, она испужатца, ее будет бить родимец». <...>

[В д. Заледеевой повитуха рассказывает:] «Ежели родильница испужалась чево-нибудь, тожно наговоришь на воду, сбрызгиваешь и поишь ее: “Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота на восток, на восточную сторону. В восточной стороне есть окиян-море, на море-окияне, на острове Буяне святая апостольская церковь о 12-и престолах. На первом престоле сама Мать пречистая Богородица со всей силой небесной, с Михаилом Архангелом и со истинным Христом. Мать пречистая Богородица, подойду к тебе, рабица Катерина, поближе, поклонюсь пониже. О чем поклонюсь, о чем помолюсь: сними с рабы Марьи с бела лица, с ретива сердца, из ясных очей, из черных бровей, с лехкаво горячева, из черной печени, из зеленой желщи, из 77-и жил, из 77-и суставов, из стрешнего, из поперешнего, из становой кости, из всево стану человеческова уроки-призоры, страхи-переполохи, родимцы – доучий, комучий, грудной, головной, жиленой, нутрянной, костяной, от шшопоты и от всех скорбей-напастей, притки-вритки¹ и святой родимцы. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь”».

¹ «Притки-вритки» (от слов «притекать» и «вринуть» – вбросить) – внезапно случившиеся болезни, припадки, по суеверным представлениям, имеющие причиной колдовские наговоры, «порчу».

2. Раньше было поверье, что ни ребенка, ни родильницу нельзя оставлять без креста и молитвы, а то «нечистый» может придушить родильницу или «подменить» младенца. Про такой случай мне поведала Е. И. [Чичаева]¹ следующее: «Свекровка моя мне рассказывала, что у одних ребенок был «подменный» – голова больша, живот огромный, а ручки и ножки – как плети. Ел без чуры, весь кривлялся, а как к причастью понесут – весь прогнетца». В таких случаях приглашали священника – «отчитывать», или баушка читала над ним «воскресну молитву».

3. Верили и в то, что при рождении ребенка ангел пишет его долю, если бабка «примет младенчика с молитвой», а «ежель бабка забудет перекреститца и прочитает молитву, товда черт берет верх» в судьбе новорожденного (д. Заледеева).

Поверья и суеверия о детях.

Как раньше семья интересовалась полом будущего ребенка, так же теперь при его появлении в семье интересуются его «долговечием». Узнать заранее, «долговешной ли, живущий ли» будет новорожденный, интересно всем семейным и близким, а потому на первых же часах, днях и неделях его жизни над маленьким существом производится целый ряд опытов и наблюдений. Вот, по мнению крестьян-наблюдателей, какие признаки истолковываются в пользу долговечности: а) «если в глазах новорожденного есть красиньки жилки, то будет живущий»; б) «если у ребенка при лежании в люльке на затылке волосы вышаркаютца, тоже живущий»; в) если «пяточки круты» – тоже к долгой жизни; г) когда ребенок подрастет до нескольких недель, то его ставят на ножки и наблюдают, как в первый раз он поставит ноги: если на пяточки – «живущий».

К числу примет недолгой жизни относятся такие: а) если «глаза ево пусты»; б) если на переносье видна синяя жилка; в) если ручки «перетянуты,

¹ Е. И. Чичаева – жительница д. Заледеевой Красноярского окр., 1879 г. рождения. Екатерина Ионовна была знатоком местных обычаев и фольклора. Она стала одной из лучших информаторов М. Красноженовой, которая готовила в 1930-х гг. к печати, но не смогла издать «чрезвычайно подробную» автобиографию Чичаевой, «рисующую жизнь крестьянки дореволюционного времени». (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукоп. отд., разр. V, кол. 78, п. 14, л. 6).

как ниточкой»; г) если темечко «крестом»; д) если ребенок рождается «сырой», т. е. очень полный; е) когда волосы при лежании в люльке «не вышаркиваются»; ж) когда «пяточки плоски» или з) в первый раз встает на носочки и т. п. Все это говорит о том, что ребенок недолго проживет.

Особенное место занимает поверье о детях, родившихся «в сорочке». По объяснению одной из моих собеседниц, сорочкой называется «пленка, которая покрывает ребенка, иногда только головку, другой раз до пояса, а другой раз и всего ребеночка. Как ее снимешь, так она плотной кажется, а как высохнет – будто папиросна бумажка, и прозрачна, как стекло». Тот, кто рождается в такой сорочке, по суеверному предрассудку – счастливый человек, поэтому сорочку берегут. «В старину, да и теперь еще много, берут ее с собой под венец, или когда на суд идут, или в солдаты». Даже чужая охраняет имеющего ее у себя человека, а потому многие бабки крадут сорочку. «А только дохтура не признают эту сорочку, оне говорят – это пузырь. Нет, пузырь одно – он при последе остаетца, а сорочка на младенце бывает» (д. Заледеева).

Продолжаются наблюдения и дальше над ребенком, и каждое подмеченное явление имеет свое объяснение. Например, если ребенок во время сна улыбается, значит, он «ангела видит», а если плачет, то «родимчик над им галитца» и младенца в это время не надо шевелить.

В числе поверий, бытующих в некоторых деревнях и в наши дни, можно отметить следующие: а) «до году ребенку нельзя стричь волосья» – считалось грехом; б) до года нельзя стричь ногти, а поэтому бабушки и матери их обкусывают; в) нельзя раньше года «снимать на фотографию».

При более длительном наблюдении, особенно в зимнее время, таких суеверий и примет можно бы отметить гораздо больше. К счастью, последние годы дали большой сдвиг и в этой области. Многие крестьянские семьи начинают относиться к суевериям критически, и если еще в некоторых семьях подобные наблюдения над ребенком и ведутся, то чаще по привычке, механически.

Заканчивая раздел, хочется остановиться еще на одном случае – это

поиски средств для того, чтобы «остановить» детей в семьях, где они родятся, но не живут, умирают. Пока мне удалось установить два таких средства:

1) Если «дети не стоят», то раньше был обычай «продажи». Так, Е. И. [Чичаева] рассказывала: «Мою мать “купил” какой-то проезжий человек за три копейки, вынес ее через двери, а потом отдал бабушке в окно».

2) Другой способ состоит в том, что кума (крестная мать) при возвращении с крещеным ребенком из церкви, отдавая его матери и поздравляя ее, называет младенца не тем именем, которым он был наречен при крещении, а другим, похожим. Так, мой дед был крещен Алексеем, а его называли Александром. Всю жизнь он был известен как Александр, и только «кричался»¹, венчался и после смерти отпевался как Алексей (Красноярск и окрестные селения). Вероят, что после такой «продажи» или замены имени² будут дети жить, указывая при этом ряд случаев.

Объяснения детям о новорожденных.

Новорожденный ребенок возбуждает любопытство у маленьких членов семьи, и они расспрашивают, «откуда он». На этот вопрос не только в городе, но и в деревне в прежнее время отвечать правду считалось недопустимым. Стремилась, чтобы дети раньше известного возраста не узнали об отношениях полов и естественном появлении ребенка. Поэтому, когда в семье появлялся ее новый член в лице новорожденного, то другим детям говорили, что его «принесли с покоса, под кустом нашли» (летом) или «с мельницы привезли», «на реке Каче мать подобрала, когда белье ходила полоскать», и т. п.

Сейчас этого обычая строго не придерживаются, и когда маленький сын или дочка забираются на колени беременной матери, то дитя предупреждают: «Ты тише, там у мамки братец тебе растет». Иногда

¹ «Кричался» – незадолго до венчания громко провозглашался в церкви в качестве прихожанина, готовившегося вступить в брак.

² Описанные здесь обряды были основаны на стремлении обмануть злой рок, опасных духов, тяготевших над семьей. Болезнь приходила за ребенком – и не могла его найти.

положат ручку ребенка на живот и говорят: «Тише, слушай – видишь, как брыкается, такой же бедовый, как ты».

Крестины.

Когда ребенок родится здоровеньким, то после трех дней, а иногда и позже, его крестят. Прежде всего, намечают имя или по «святцам»¹, или в честь бабушки либо дедушки с отцовской или материнской стороны. Но иногда имя выбирает священник, не считаясь с желанием родителей. В последнем случае бывало так, что «батюшка» чем-нибудь был недоволен, тогда он «назло» давал трудные и малопонятные имена, например, Голендуха, Перпетуя, Асинкрита, с которыми и мучилась потом семья, перевирая их по-своему.

На крестины обязательно приходит бабка-повитуха, принимавшая роды: «сподобит» ребенка как следует, приготовит теплой воды в ведре и несет ее в церковь для купели. Крестные родители² – кум и кума – приглашаются заранее. Кум должен купить крест и заплатить за крестины, а кума должна сшить или купить в лавке готовую «крестильну» рубашку и поясок к ней. Кроме того, кума «припасат ризки», т. е. отрез мануфактуры от полутора до семи аршин³, в зависимости от своего материального состояния. Бедная кума принимает ребенка на «рушник» домашнего тканья. В прежние времена кума еще должна была приносить попу новый платок для вытирания рук, но теперь это уже вышло из обычая.

Перед тем, как нести или везти, если далеко, в церковь ребенка, его вымоют и завернут в чистую тряпку и в стеженое одеяло, дадут куме запас чистых постилок. Когда происходит самый обряд крещения, то в это время повсеместно соблюдается одно гадание, состоящее в том, что поп остригает на голове младенца волосы и отдает их куму. Последний закатывает их в

¹ «Святцы» – церковная книга, месяцеслов с обозначением на всякий день памяти чтимых святых – пророков, апостолов, великомучеников и др. Младенцу нарекали имя в честь того святого, память о котором отмечалась в день рождения, крещения или в ближайшие дни.

² *Крестные родители* (восприемники) – выбранные кровными родителями ближайшими духовными поручителями и наставниками ребенка. Духовные отцы и матери участвуют в обряде крещения, а затем заботятся о том, чтобы их крестник вырос истинным христианином.

³ Отрез фабричной материи длиной от 1 до 5 м (аршин – русская мера, равнявшаяся ок. 0,71 м).

восковой шарик и бросает его в купель. Если шарик всплывает, то ребенок будет «живущий», а пойдет на дно – «неживущий» (селения Комарово, Большой Тисуль, Кускун, Батой, Заледеева и др.).

Из купели ребенка принимает кума «на руки», священник надевает на него крестильную рубашку с поясом и крест. По окончании обряда младенца завертывают потеплее и везут домой. Здесь приходится указать на то, что зимой, когда в церквях холодно, дети во время крещения часто простужаются и болеют. Когда приходят в дом, то, передавая ребенка матери, все поздравляют родителей и других родных с новорожденным.

Пока бабка и восприемники были в церкви, домашние «прибрались», то есть накрыли на стол и приготовили угощенье: рыбный пирог (обязательно), жареную птицу, соленую рыбу, нарезанную кусочками колбасу и т. п. Стряпают «сдобно» печенье, покупают водки. Но, конечно, состав угощенья зависит от материальных возможностей хозяев.

На крестины приглашают родных и знакомых, которые, приходя, поздравляют всех с новорожденным, высказывают пожелания здоровья и счастливой жизни.

Наконец, все садятся за стол, и отец новорожденного первую рюмку подает куму, вторую – куме, потом бабке-повитухе. Четвертую выпивает сам отец и т. д. Первая рюмка выпивается за здоровье новорожденного. После выпивки закусывают и пьют чай.

В конце застолья бабка приносит на стол «кашу» – рисовую на молоке, просыаную или другую какую, а в последнее время вместо каши бабка угощает компотом или даже конфетами, но все равно это называется «кашей». Все сидящие за столом должны попробовать каши, при этом бабка обносит всех вином, которое в рюмке на тарелочке подается каждому отдельно. Все выпивают вино, ставят обратно рюмку на тарелку и тут же кладут деньги «баушке на кашу». При бедных крестинах бабка собирает на каше 50–70 к., при более состоятельных – 2–3 р.

После угощения за чаем все гости поют песни, но самые обычные, не имеющие никакого отношения к отмечаемому событию. Выходя из-за стола,

благодарят хозяев за угощение. Прощаясь с родительницей, кладут ей под подушку серебряные деньги «на зубок новорожденному». После крестин бабка считает все свои обязанности законченными.

В некоторых семьях берегли первую крестильную рубашку и всех детей после крещения одевали в нее, чтобы дружнее жили. Кум и кума, принимавшие ребенка от купели, считаются между собой родней, и если бы они вздумали вступить в церковный брак, то могли бы это сделать только с разрешения архиерея¹. Кум-восприемник на куме-родительнице, если бы та овдовела, совсем не должен жениться – «это великий грех».

Именинный пирог.

Когда крестнику или крестнице исполняется год, мать ребенка стряпает сладкие пироги, потом идет в церковь, причащает ребенка и оттуда, зайдя домой за пирогами, идет к крестному отцу и крестной матери. Так, в д. Заледеевой 12 июля 1927 г. пришла молодая женщина с годовалым именинником (это был «праздник Петра и Павла» по старому стилю) и принесла сладкий пирог «кресному». Присутствовавшая здесь «баушка» поставила пирог на брус², «чтобы большой рос» ребенок.

Пища (питание) [младенца].

Новорожденному первое время после рождения дают соску, сделанную из реденькой старой тряпочки, в которую положен нажеванный бабкой черный хлеб с сахаром или медом (с. Балахта, с. Кускун, д. Заледеева и др.). Первые дни, а в редких счастливых случаях и недели, ребенок питается молоком матери. Потом, чтобы мать имела больше свободного времени, ребенка кормят «из рожка».

Рожок делают из коровьего рога: острый конец отпиливают, делают желобок для прикрепления «соски» из коровьей титьки. Коровью титьку

¹ *Архиерей* – епископ, возглавляющий православную епархию – большой церковный округ.

² «*Поставить пирог на брус*» – поместить высоко над головой ребенка на «хлебном брусе» – деревянной балке, соединявшей русскую печь с передней стеной избы. Этот обычай означал пожелание ребенку расти высоким, здоровым и сильным. Именинный пирог затем совместно поедали члены семьи и родственники – участники праздничного пира.

приготавливают так: мясо, находящееся внутри коровьего соска, вычищается, и кожа соска выдерживается в густом рассоле, после чего она вынимается и привязывается к рожку. Получается соска, или рожок, в который и вливают коровье молоко.

Раньше такой рожок был обычным для всех, но в последние годы редко кто употребляет рожок, его заменили резиновой соской. Употребление резиновой соски значительно изменило питание ребенка – ее легче вымыть и в ней не так быстро закисает молоко, тогда как в коровьем рожке закисание молока совершалось быстро. У неряшливой няньки он редко мылся, поэтому в соску набивалась всевозможная грязь и «заводились черви». Ребенок отказывался сосать такую соску и «исходился криком от голода».

Это одна сторона в питании дитяти, но есть и другие ненормальные условия. Так, кормление ребенка в крестьянской семье не считается ни с какой нормой времени, а как закричал, так ему сейчас же суют или соску, или грудь матери, если та дома. Поэтому иногда мать кормит ребенка очень часто, а в другое время материнского молока он не получает совсем в течение дня.

Мне пришлось летом 1929 г. наблюдать такой случай. Ребенку шла только вторая неделя, а мать должна была уходить на целый день в поле «на страду» и иногда кормить ребенка только в 4 часа утра и часов в 8–9 вечера. Весь день ребенок оставался на руках няньки-сестры, и она его кормила коровьим молоком так: наберет молоко в рот, а изо рта наливает понемногу в рожок (с. Емельяново). Так у всех и везде.

С шести недель ребенка «пичкают» всем, что сами едят, наталкивая «жванину» пальцами или ложечкой в рот ребенку. В этот период детская пища состоит из жеваного хлеба, из булки, разваренной в кипятке с сахаром («тюрю»), и даже мясных щей с капустой. Во время обеда мать держит ребенка на коленях, опускает в общую чашку с супом пшеничный кусок, потом захватывает его ложкой, разжевывает во рту и дает 8-месячному ребенку (д. Заледеева, 12/VII 1929 г.). С полугода вообще пища ребенка от пищи взрослого почти ничем не отличается, разница только в том, что мать

все время «сосит» его, варит ему «манну кашку на молочке» или кашу из другой крупы за отсутствием манной.

Из примет и поверий этого периода нужно отметить желание некоторых матерей как можно дольше кормить грудью ребенка, чтобы «заменитца» (избежать новой беременности), но «замена бывает не у всех» (д. Заледеева и др.).

Постель.

Чаще всего постелью ребенка будет «зыбка», или «люлька», позднее у некоторых бывают кровати, но не из гигиенических соображений, а как удобное средство оставлять ребенка одного: если проснется, то все же не выпадет. Под влиянием консультаций и вообще указаний врачей кое-где укладывают спать крошечных на подушке или просто в постель, не укачивая.

Люльки, или зыбки делаются по-разному: у одних они состоят из рамы с пришитым к ней холстом, у других – в виде ящика из дерева. Последний тип более старинный и встречается реже. В большинстве случаев люльки привязываются к «очипу» (упругому деревянному шесту), но есть и на пружине. Некоторые сразу вместо люлек покупают кроватку-колышку (селения [Красноярского р-на] Емельяново, Заледеева, Зыкова, Батой и др.). Чаще всего люльки, зыбки и кровати переходят в семье по наследству, и только там, где давно уже не было детей, покупают или делают «заново».

В люльке редко бывает настоящий тюфячок, а чаще кладут разное тряпье ватное, овчинные обрывки от шубы и т. п., чтобы было «мягко и тепло». Сверх этого тряпья большинство нянек подкладывают «клеянку», для головы – маленькую подушечку. Сверху люльки покрывают «положками» – «чтобы свет не мешал спать, чтобы мухи не надоедали», чтобы ребенку было спокойнее. Под положком в люльке вешают на ленточке крестильный крест.

Когда ребенок уснет на руках у материнской груди, его осторожно кладут в зыбку и немного ее покачивают, а потом так оставят, чтобы не приучать к укачиванию. Если же ребенок беспокойный, когда положат – кричит, тогда почти все время его качают и поют колыбельные песни.

Суеверия этого периода: а) «просту» (без младенца) люльку качать не надо, а то ребенок будет «уросливый» (плаксивый); б) на стол ребенка ставить нельзя – будет капризный; в) по той же причине нельзя «шлепать [младенца] вдогонку».

Одежда.

Самые первые принадлежности одежды ребенка – распашонка, тряпка «чистенькая», заменяющая простынку, свивальник, или пеленишник, которым пеленают ребенка до шести недель и дольше. Потом, когда ребенка начинают держать свободнее, забавляются с ним, тогда надевают длинную рубашечку и «нагрудку» от слюны. Зимой надевают еще теплую кофточку, чулочки, а голову повязывают платком или надевают чепчик. Летом ребятенки ходят босые, без панталон, в рубашонках или коротеньких платьях, крошечные же (один – полтора года) ползают по двору вовсе голенькие.

Трех–четырёхлетним девочкам шьют платья, не отставая от современной моды, надевают на них комбинашки, в праздник – чулки и сандалии. Голову повязывают платком, или надевают чепчик концами назад, или надевают «панаму». Мальчуганы щеголяют в длинных (для сапог) или в коротких (вроде трусиков) штанах и в ситцевых цветных рубашках. В праздники разгуливают в сапогах и картузах¹. Зимой пимы – иногда со взрослого человека, пальтишки на вате, а иной раз – материнская стеженная кофта (селения Красноярского окр.).

Из суеверий, относящихся к детской одежде, можно указать следующие: а) вымытое белье ребенка нельзя вешать сушить на очип, где висит зыбка, «а то ребенок будет худо спать»; б) высушенное детское белье «нельзя катать»², а то ребенок будет беспокойный; в) не следует оставлять белье ребенка висеть при месяце – будет ребенок болеть; г) вешать для сушки белье надо прорешками вверх – «ребенок будет дольше жить», и т. д.

¹ *Картуз* – летний головной убор в виде фуражки с блестящим лаковым козырьком.

² «*Катать*» в данном случае – гладить белье с помощью деревянных предметов – зубчатого рубеля и гладкой скалки, на которую наматывалось выстиранное и высыхающее белье.

Гигиена и отношение к ней.

Гигиенические требования мало известны нашей деревне и медленно ею воспринимаются, поэтому говорить о гигиене детского возраста в деревне много не приходится. Из наблюдений и разговоров выявляется ряд антигигиенических моментов в уходе за ребенком:

1) В люльках нет особенной чистоты и аккуратности, иногда от настильных там тряпок так «несет», что даже сами домашние замечают и велят няньке: «Вытащи все во двор, да развесь на солнышке».

2) Ребенка моют довольно часто только в первое время после рождения, а потом уж носят его с собой в баню, где прежде всех вымоют его, попарят, потом завернут и отдадут кому-нибудь ожидающему из семейных – унести домой. Правда, в Батое и Семиверстке [Красноярского р-на], где есть больницы и консультации, приходилось наблюдать употребление ванн вместо бани даже для годовалых ребят, но мыли ребят все же редко, разве в каких исключительных случаях.

3) Летом, когда ребяташки 2–4 лет возвращаются со двора и с улицы, где они сидели в пыли, в грязи, рылись в корытцах, поставленных для скота, и вообще во всем, что есть на улице, домашние чаще всего брали их на руки, несли к умывальнику и мыли им рожицы и ручки, на остальное тело не обращая внимания. Так же, не вымыв ребенка всего, со всей грязью укладывали его спать. Наутро у ребят начинается такая же полоса жизни, и грязь копится до очередной бани.

4) Еще примеры: ребенок весь «обмусолился» конфеткой, а мать, вместо того, чтобы ему вымыть ручки и лицо, спокойно их облизывает и вытирает насухо своим носовым платком. У ребенка нос не в порядке, и мать вытирает его или подолом детского платья, иногда уже достаточно грязного, или своим фартуком, и т. п.

Наблюдение за детьми.

«Догляд» за ребятами плохой. Когда они подрастут, начинают ползать или

ходить, то пользуются полной свободой передвижения. Особенно плохо дело обстоит в бедных семьях, где «одиоко» хозяйство, то есть одна женщина на семью, на всю работу и по домашности, и в уходе за скотом. Поэтому в деревнях с ребятами случается много несчастий. Когда на эту тему начинается разговор, то «несчастны случаи» сыплются без конца:

1) «Вот Пана косила, носила своево на пашню да под кус[т] клала, где его комары да мошка кусали, дождем промачивало, на мокре лежал, ну и зачал хворать – весь в коростах, притронутца страшно. А пося тово стала дома оставлять, ево ребята уронили, грудка потом коробом поднялась, голова болтатца... Верешшал, верешшал, да и помер».

2) «А то ешшо такой случай»: ребенок был в пеленках дан «няньке» – мальчику лет шести, «он ево оставил во дворе, а сам убежал к другим ребятам играть. Свинья больша подошла, давай ево носом торкать, потом зацапила, за ножку потащила, да в окно кто-то увидал, так отняли, а то загрызла бы». – «Да помнишь, в позапрошло лето в [деревне] Челноковой вот так у ребенка свинья ручки сжевала и кишки выела».

3) «А то во ешшо: во дворе стояла лохань больша, ребенок-то подполз, видно, да на ножки-то, видно, поднялся, да в лохани-то что-то увидел – потянулся и упал в нее, так и захлебнулся».

Подобных рассказов в деревне без конца, и необходимость таких мероприятий, как ясли и детплощадки, не требует доказательств.

Приходится еще обратить внимание на то, что если так плохо обстоит дело с маленькими детьми там, где некому иметь за ними особое наблюдение, то не лучше положение там, где дети находятся под наблюдением бабушек и матерей. Там крошечных детей, например, 7-недельного возраста без всякой «бережи» садят, подбрасывают и «подскакивают», не обращая внимания на то, что ребенок весь изгибается, кричит. Или, например, это постоянное укачивание в люльке и на руках. То сильно кутают, то приучают ничего не бояться и выносят в непогоду в одной рубашечке, то трехмесячному ребенку подгулявшие мужики дают выпить самогонку: «Здоровее будет».

В то же время многие крестьянки носят детей в консультацию, стараются выполнять указания врача: дают соску, смоченную в сахарной воде, без разрешения доктора не подкармливают, купают почаще в ванночке, спать кладут без укачивания и т. п. Это новое в крестьянском быту, но пока еще таких семей немного.

Отношение к детям.

Деревня по-своему тоже старается ребят воспитывать. Крестьяне говорят: «Вырастить хорошава человека трудно, надо ему с детства указывать, как следует поступать».

В старину при воспитании детей прибегали больше к суровым мерам физического воздействия и наказания, поэтому и пословица была: «Учи дитё, когда оно поперек лавки лежит, а как вдоль ляжет, поздно будет». Также давали ребятам наставленья: «Не слушай, где собаки лают, а слушай, где люди добры речи говорят», «Спи по ночам, расти по часам, давай матери дело делать». Конечно, и сейчас многие еще придерживаются старинных методов воспитания, иногда забывая и запугивая ребят до крайности, но все же в настоящее время отношение к детям значительно мягче и заботливее, больше ласки и внимания видят ребята со стороны старших.

Возвращаясь из города с базара, взрослые привозят ребятам гостинцы – пряники, конфеты, игрушки. В деревне, если старшие идут в лавку, то ребятишки тащатся следом за ними, и старшие, сделав необходимые покупки, обязательно берут по числу ребят конфет или пряников. К сожалению, это мягкое отношение к ребенку часто переходит в баловство детей: выполняют их малейшие требования, не действуют на них ни уговорами, ни убеждениями, и дети растут капризными, недисциплинированными и в некоторых семьях обратились в маленьких тиранов, пред которыми пасуют старшие.

Особенно балуют дедушки внуков, бабушки – внучек. В то же время мужчины забавляются над маленькими детьми тем, что учат их «выражатца», т. е. говорить самые грязные бранные слова, учат пить вино с люльки, курить

и т. д. Как на всю эту «науку» реагирует ребенок, мужчин очень забавляет, а у ребенка создаются грубые привычки. Протест женщин против подобных опытов не ведет ни к чему.

Еще нужно отметить дурную черту у крестьян по отношению к детям – это то, что пугают ребят еще в люльке «букой», «бабаем», «батюшкой», «медведем» и т. п., что наиболее нервных детей делает боязливыми, они боятся оставаться одни, боятся темноты.

Забавы с маленькими детьми.

Кроме заботы о пище, одежде, сне и т. п., деревня в лице матерей, бабушек и нянек имеет большой запас разных забавок, чтобы развлечь и развеселить ребенка, способствовать развитию у него зрения и слуха, а также знает особые приемы физического развития. Во всех этих забавах чувствуется большая любовь к детям, наблюдательность и целесообразность многих приемов.

Конечно, в одних деревнях употребляются одни способы, в других – иные, но цель одна, и поэтому, излагая в последовательном применении те или иные забавки, я их объединяю, делая ссылку на места наблюдений. Приемы эти таковы:

1) Когда ребенок начинает понимать и брать руками, то в зыбке на веревочке навешивают разные пестрые лоскутки и блестящие предметы (например, баночку, конфорку от самовара, ключи и т. п.). «Он глазами-то уставится и гулит» (с. Комарово Канского окр., Батой, Емельяново и др.).

2) Вешают разные погремушки и предметы, которые, ударяясь, дают звук. Ребенок при повторных прикосновениях к ним понемногу начинает различать этот звук, а потом и причину его повторности (селения Комарово, Емельяново, Кускун, Батой и др.).

3) Как в руки «грабать станет, то чо-нибудь тоже дашь» (д. Заледеева, с. Дрокино [Красноярского р-на] и др.).

4) Когда же ребенок начинает сидеть в подушках, то ему делают такие игрушки, которыми он не мог бы подавиться или порезаться. Дают,

например, деревянную ложку, деревянную чашку, металлическую ложечку и т. п. (с. Дрокино, с. Комарово, д. Малый Кемчуг [Красноярского р-на] и др.).

5) Когда же дитя начинает ползать, тогда вся изба превращается в арену его исследовательско-познавательной работы. Он всем интересуется, часто «блудит», т. е. проказит – прольет воду из ведра или шайки с помоями, заберется в кошачью или собачью чашку и потащит себе в рот остатки, схватит собаку, и та зарычит на него, а то и куснет, то же и с кошкой... Одним словом, набирается практического опыта и наблюдений.

При ползающем и начинающим ходить ребенку домашним всегда забота: то он подползет к кипящему самовару, то сидит у порога, особенно зимой, когда входящие с улицы могут на него наступить, а мороз, врывающийся в комнату, охватывает маленького комнатного следопыта, в результате – простуда. Летом при открытых дверях такие малыши выползают во двор, сваливаясь с крыльца, подбираются к лошадям, коровам и другим домашним животным, птицам и т. п. Как и полагается исследователю, он подвергается многим опасностям из-за отсутствия «догляда», но зато в этот период ребенок накапливает громадный запас наблюдений и опыта, благодаря своей полной самостоятельности, так как взрослые заняты работой, а няньки есть не у всех.

Кроме зрительных и осязательных забав, есть еще и «физкультурные» – потягушки, поскакушки, дыбки...

Потягушки. Когда ребенка распеленают и положат отдохнуть от пеленок на подушку или кровать, то бабушка или мать поглаживают его всего, как бы расправляя, – по животу, по ручкам, по ножкам, и полупоют-полуговорят:

1) *Потягушечки, порастушечки,*

Ноженьки – побегушечки,

Рученьки – работушечки,

Глазаньки – поглядушечки...

2) *Потягушечки, порастушечки,*

*Поперек порастунюшки,
Ручки – хватунюшки,
Ножки – бегунюшки...*

Соответственно тексту поглаживают ту или иную часть тела ребенка. Иногда же поют из песни подходящий текст, например:

*Ваньчик мой, да кудрявчик мой,
Кудреватая головушка твоя.
Золоты у Вани кудерцы,
Золоты кудри, серебряные и т. п.*

Ребенок в это время лежит в спокойном состоянии и «гулит».

Поскакушки. Когда ребенок бодрствует, то садят его на ладонь одной руки, другой рукой поддерживают за грудку, подбрасывают слегка вверх и полуприпевают:

1) *Скок-поскок на чужой мосток.
Свой намощу – никого не пущу* (д. Заледеева).

2) *Пошла барыня плясать,
Черевички растрясать.
Что ни штер, то пятак,
За них денег четвертак* (с. Большая Косуль).

3) *Тень-тень, потетень,
Выше города плетень.
На полице трубица гороховица,
А в печи калачи, как огонь горячи* и т. п.

Дыбки. Когда ребенок только еще ползает, но не стоит, то старшие ставят

его на ножки и приговаривают: «Дыбки, дыбки». Это допускается с ребенком, которому около года (с. Комарово и другие селения)¹.

Кроме физкультурных приемов и колыбельных песен, к маленьким детям применяются еще «забавки»:

Ладушки-лады. Берут ручки ребенка и, похлопывая ими, припевают:

*Ладушки, ладушки,
Где были? У баушки.
Чево ели? Кашку.
Чево пили? Бражку.
Кашка слатенька,
Баушка добренька:
Напоила молочком,
Проводила голичком².*

Иногда добавляют: «Не ходи босичком, а в обуточках» (повсеместно).

Гули-гулиньки. Берут ручки ребенка, потрясают пальчиками, подражая полету голубей («гуленьки»), а потом ручки по смыслу припева кладут на головку, припевая:

*Гулиньки прилетели,
Валечке на головушку сели.*

Коза рогатая. Бабушка или другие члены семьи подгибают к ладони своей правой руки три пальца – безымянный, средний и большой, а указательный и мизинец вытягивают прямо, это – «коза рогатая». Протягивают козу к ребенку и припевают:

¹ Когда ребенок делает первые шаги, то мать или бабушка берут ножницы и расстригают неведомые пути между ногами, надеясь, что после этого ребенок станет быстрее ходить. (*Примеч. автора.*)

² *Проводила голичком* – рассердилась и нашлапала баннным веником с обитыми листьями, связкой прутьев.

*Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая,
Кто попадет,
Тово забодет, забодет...*

И щекочут при последних словах ребенка за бочки.

Все приведенные примеры несложных забавок употребляются с маленькими детьми в 4–6–8 месяцев, а дальше уже применяются более сложные, как, например, известная всем «сорока-ворона» и другие.

Сорока-ворона.

*Сорока-ворона на порог скакала,
На порог скакала – гостей созывала.
Кашу варила – гостей кормила:
Этому чашечку, этому плошечку,
Этому черепушечку,
А этому ничего не досталось.
Заставила воду носить
Да баню топить.
В одном чану – вода колодезная,
В другом – кипяток... кипяток...*

При слове «кипяток» ребенка щекотят, что вызывает с его стороны смех.

Детские болезни и их лечение.

Когда болеют маленькие дети, то по тем или иным признакам деревня ставит свой диагноз, прибегает к тем или иным самобытным приемам лечения. Если деревня имеет возможность пользоваться врачебной помощью и лекарствами, то она использует это положение: хотя и не полностью, но все же поступит по указанию врача. Когда же врачебный участок далеко, то на сцену выступают свои доморощенные лекари, чаще всего те же «баушки-повитухи». О лечении их я сообщаю следующий материал.

Некоторые бабки употребляют предупредительные меры. Когда моют новорожденного в бане, то, слегка припаривая его веником, наговаривают: «Не я тебя парю, не я тебя правлю, правила-парила баушка Соломонида. Шла из загорья, несла кузов здоровья, всем дала помаленьку, а моему (имя новорожденного) все отдала» (с. Емельяново, Л. И. С-на, 74 года). В этом наговоре упоминается имя Соломонида, которая, по апокрифическим сказаниям, «примала» деву Марию. Верят, что упоминание ее как бабки должно охранять новорожденного от болезней.

Чаще всего в деревнях приходилось слышать указания на существование следующих детских болезней:

«Полуношник». При нем младенец «крычит по ночам», т. е. страдает бессонницей. При лечении этой болезни большей частью прибегают к наговорам. Выносят дитя на зори утренние и вечерние и по три раза читают наговор: «Стану, перекрестесь, пойду, благословесь, под утреннюю (или вечернюю) зорю. Матушка заря утрения, сними с раба Божия младенца (имя) полуношницу, полуденницу, куричий крик, бессонницу. Унеси на пень, на колоду, на глубоку воду, где люди не ходют, трава не растет, петухи не поют¹. Аминь». После каждого раза «надо дунуть и плюнуть, потом принести домой и уложить спать» (д. Заледеева, 1928 г.).

Или еще такой наговор: «Три зари-зарницы, красные девицы, утренняя – Марья, вечерная – Маремьяна, полуденная – Василиса, сымайте, сорвите с раба Божия младенца (имя) полуношницу, отнесите ее на чистое поле, там нежса и потешса, а на раба Божия младенца не надейся». Этот наговор читается также на вечерней и утренней заре три раза (с. Погорельское [Сухобузимского р-на], 1919 г.).

«Чекотун», «щекотун», «чекотуха». «Когда ребеночик всю ночь ревет, не спит и ножками сучит – это значит, ево чекотуха мучит».

1) «Надо в чашечку или скляночку взять дехтю из подушки [тележного] колеса, беречь ево от сонца и месяца, поставить в потайное место». Когда

¹ «Унеси ... где люди не ходют, трава не растет, петухи не поют» – в царство мертвых. Предполагалось освобождение от болезни с помощью умерших предков-покровителей, других существ и магических предметов, находящихся за пределами земного мира.

ребенок заболел щекотуном, то надо над ним читать: «Чекотун, лепетун, крехтун – денной, ношной, полуношной, полуденной, утренной, вечерной, нет тебе дела до чужова тела, до раба (имя). Не галься над телом раба (имя), а галься над смолой, над дехтем. Аминь». При произнесении наговора безымянным «пальцем дехтем крестить подошвы ног и подпазухи» (д. Челнокова [Красноярского р-на], 1912 г.).

2) Если болен мальчик, то делают лучок и стрелку, лучком три раза перекрещивают по подошвам обеих ног и кладут его в голову; мальчик после этого должен спать. Если больна девочка, то делают прялку и веретенышко, в остальном же поступают так же (с. Батой, 1925 г.).

3) Держат больного над зажженным комелем – «подкуривают».

4) Щеткой, которой чешут куделю, покалывают пятки и т. п. (д. Заледеева, 1928 г.).

«Шшети́на» («стенъ» иначе называется¹). «Ковда ребенок выгибатца на спинку, то это называетца болезнь-шшети́на». Лечат таким образом: а) берут тряпку с золой, намочат ее и несколько раз помоют спину; б) в бане, когда ребенка напарят, то спину мажут домашними дрожжами; в) в бане же берут хлебный мякиш и «катают по хребтику-то, выкатываются таки длинны волосы, а так смотреть – их не видать» (д. Заледеева, 1928 г.).

«Собачья старость». Под таким названием в деревнях известен рахит. Женщины так определяли его внешние признаки: «Живот большой, а ручки и ножки – как плеточки, кожа на шее и на лице сморщена, как у старика» (д. Заледеева, 1928 г.). «"Английска болезнь" [она] по-городски-то называетца, болит конец позвоночника, крестец-вихрец свернутый, а по-нашему – собачья старость» (с. Батой, 1925 г.). При лечении этой болезни употребляются следующие приемы:

1) Идут с ребенком в баню, берут с собой сметаны и щенка, если больна девочка – сучонку, а если мальчик, то кобелька. В бане ребенка и щенка парят, потом тело ребенка намазывают сметаной и дают щенку слизать ее,

¹ «Стенью» (от слова «стенать» – стонать, охать) русские называли и некоторые другие болезни, например, рахит.

при этом приговаривают: «Лижешь ты не ребенка, а слизываешь с его собачью старость. Прймай ее себе. Аминь». Это лечение проводится в трех банях. Если ребенок поправится, то щенок «пропадет» – таково убеждение лекарок (с. Батой, д. Заледеева и др.).

2) Пекут большой калач, потом больного ребенка три раза продевают через калач, наговаривая: «Я с тебя не калач сымаю, я с тебя собачью старость сымаю. Аминь». После этого калач бросают собаке.

3) Делают большой сочень (раскатывают тесто), обертывают им ребенка и три раза суют его в печь на лопате. Сочень потом тоже отдают собаке. Это называется «перепекать» (с. Батой, д. Заледеева, с. Кускун и др.).

4) В 1927 г. мне совершенно неожиданно пришлось наткнуться на такой случай лечения рахитичной девочки, по рассказу ее матери: «Девочка родилась больная, росла плохо, голова большая, ножки слабые – как тряпочки. Все не ходила и не ходила. Даже стоять не могла никак. Вот тогда я взяла целиком гнездо мурашей, положила в чугунок, поставила в печь и парила их всю ночь в печи, а потом вылила в глубокую шаечку. Когда остыло, как парное молоко, посадила девочку, так што она в этой трухе по шейку сидела. Так я поступила три раза, ей лучше стало, и понемногу стала приступать, начала ходить». Во время моей встречи с этой девочкой и ее матерью первой было 8 лет, но она была не выше 4-летнего ребенка и ходила – пятки вместе, а носки вывернуты (д. Тетерина [Красноярского р-на], 30/VIII 1927 г.).

«Испуг», «родимчик», «уроки». «Ковды ребенок вдруг сбрасыватца, кричит, беспокоен – это бывает от испугу, али изурочат его, а то родимец его мает». В случае подобной болезни прибегают к следующим приемам:

1) «Баушка выносила ребят по три утренни зари, ставила под охлопень (конек на крыше) и говорила: “Заря моя, зарница, заря – красна девица, утрення Марей, вечерна Уланей, к тебе прибегаю, к тебе призываю: помощница, излечи младенца (имя)”».

2) Надо взять чашку с водой, соли¹ и приготовить ножик, потом читать

¹ В описываемых здесь лечебных обрядах отражается вера в магическую очистительную и защитную силу

такой наговор: «Как эта соль не знает ни уроков, ни призароков, ни страхов, ни переполохов, ни ветреных переломов. – (Соли маленько бросить в чашку до трех раз, туда же бросить три уголька с огнем). – Как уголь тухнет, так чтоб у рабы Божьей (имя) тухли уроки, призоры, страхи, переполохи и ветрены переломы – век по веки, поныне отныне и до веку. – (В это время в воде обмыть три хлебальные ложки и ножом разрезать воду крест-накрест). – Как воду перерезала, так же перерезаю уроки, призоры, страхи, переполохи и ветрены переломы с рабы Божьей (имя) век по веки, отныне и до веку». Спрыснуть лицо, потом спинку, брюшко и ручки. Потом надо поднести ребенка к целу печки и стучать тыловой стороной руки об его лоб, потом о цело (свод над входом в печь), приговаривая: «Стень от страшнова, от поперешнова, от дедушки, от баушки, от худой своей думы, от бабы-простоволоски, от девки-самокрутки¹. Будьте мои слова крепки и лепки, крепче камню и легче булату. Камень не бьетца, булат не гнетца. Аминь». Это все проделывается до трех раз (д. Емельянова, 1928 г.).

3) Утром и вечером над головой больного ребенка читают «Отчу» молитву² и выливают воск в воду девять раз.

4) «Когда бьет ево», то на месте, где упал в припадке ребенок, срывают с него рубашку и вбивают ее осиновым колом в землю. «Рубаха сгнивает, болезнь отойдет».

5) Меряют всего больного ребенка ниткой, завязывая после каждого измерения узелок, потом эту нитку над его головой забивают в дырочку на потолке (д. Заледеева).

6) Поят настоями корней «папарника» и «плакуна»³.

7) Заваривают красный сандал, когда настоится – переливают в бутылку. Сандал дают три раза в день по рюмочке, а папарник с плакуном – три раза в день по чайной ложке, сопровождая наговором: «Стану я, раба Божья (имя),

воды, соли и огня, в том числе огня в печи.

¹ «Баба-простоволоска», «девка-самокрутка» – типичные в народе олицетворения женщин-колдуний, напускающих болезнь: незамужние, ведущие безнравственный образ жизни.

² «Отча» молитва – молитва Господня, наиболее употребительная в православии: «Отче наш, Иже еси на небесех...».

³ «Папарник» и «плакун» – дикорастущие травы. Название второй происходит от того, что, по народным представлениям, от нее плачут бесы и ведьмы.

благословесь, пойду, перекрестесь, из дверей в двери, через три порога в чисто поле, в широко раздолье, на [о]киян-море. На [о]киян-море сидит Мать Пресвятая Богородица с двенадцатью апостолами. Пойду я, раба Божья (имя), поклонюсь и покорюсь: “Мать Пресвята Богородица, возьми свои ножницы златые, сними с раба (имя больного) все 70 болезней, все 70 скорбей. Чтоб не было бы имя́ места в белом лице, в желтых костях, в ясных очах, в ретивом сердце, в горячей печени, в желтой жолости, не было бы отрыгайче, кверху подымайче, во веки веков”. Аминь». Читают три раза (с Батой).

Понос – «несет». Понос определяется так: «Несет ребенка бесперечь, он ослабнет, и голоса нет» (д. Заледеева, 1928 г.).

Детей, страдающих расстройством желудка, большею частью лечат теми же средствами, как и взрослых, то есть дают пить отвары и настои разных трав. Мне удалось узнать следующие: а) корень и стебель черноголовника: заговаривают настой и поят; б) поят отваром корня земляничника. Кроме того, маленьких детей поят: в) густым фамильным чаем с сахаром; г) пережженными квасцами¹.

«Золотуха». Поят детей и моют настоем «полевой череды» (с. Емельяново и др.).

Грыжа – «грызь». В разделе «Новорожденный и уход за ним» я уже указывала, что первая соска делается из свеклы, а в старину еще и с порошком – для предупреждения грыжи. В качестве лекарства дают больным грыжей пить настои черемухова цвета, картофельного цвета.

Берут свежее свиное сало и чеснок, растирают их на дне перевернутой крынки, потом натирают этой мазью вокруг пупа и читают наговор: «Стану я раненько, умоюсь беленько, утрюся сушенько, пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, пойду на остров на Буян. На этом острове Буяне стоит престол, на этом престоле Мать Пресвята Богородица стоит. Подойду я к ней поближе, поклонюсь пониже: “Мать Пресвятая Богородица, прими грыжу с

¹ *Пережженные квасцы* – соль сернокислого глинозема и сернокислой щелочи, из которой пережиганием выгнана вода. Употреблялись в медицине и ремеслах.

младенца (имя)». Аминь» (селения Батой, Емельяново и др.).

«Простуда». Диагноз на простуду ставится при наличии высокой температуры. Чаще всего лечат баней, где больного парят – чтобы он прогрелся. Иногда натирают уксусом с водой, поят «малинкой» и т. п. В 1928 г. мне пришлось слышать еще следующий способ лечения: «Простудили у нас малютку – харчит, а у нас сыромолотый хлеб разопрел, я в нево и положила ребенка. Он там полежал сколь, ему и стало лучше, и покашливает теперь меньше» (с. Батой).

Ряд других детских болезней и способов их лечения были мною указаны в «Материалах по народной медицине Енисейской губернии»¹ ...

Игры и развлечения детей.

Закончив описание того периода детства крестьянского ребенка, когда он был пассивным в руках окружающих его, когда его мыли, одевали, кормили, усыпляли и лечили, я перехожу к моменту его первых шагов самостоятельности, когда начинается пора изучения окружающего его мира и личного творчества. Дитя во всякой среде и во всякой обстановке очень наблюдательно: ничто не укрывается ни от его глаз, ни от его слуха, очень быстро обогащается его лексикон – к сожалению, часто произношением грубых и бранных слов, которые улавливает его ухо. Он перенимает манеру взрослых обращаться друг с другом, и сам начинает так же обращаться с ними.

Постепенно с ростом ребенок входит в детали домоводства и хозяйства и начинает в своей личной жизни претворять их в построении своих игр и забав, которые изумительно полно воспроизводят жизнь взрослых. В качестве примеров, иллюстрирующих это положение, можно указать ряд² случаев, как из прошлого, так и настоящего. Так, лет 30–35 тому назад, когда работал Сибирский тракт, дети притрактных селений играли в «постоялый двор», в «обозы», в «лавочку» и т. п.

¹ См.: Красноженова М. В. Материалы по народной медицине Енисейской губ. // Изв. / Вост.-Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. – Иркутск, 1908. – Т. 39. – С. 10–23; 1911. – Т. 42. – С. 65–81.

² Воспоминания М. Пальмина помещены в нашем издании далее (см. документ 5).

[Наш земляк] М. И. Пальмин в своем докладе в кружке «Старый Красноярск» описал забаву своего детства со сверстниками в с. Березовка [Красноярского р-на], где они играли в «обозы» ... В 1925 г. мне пришлось получить еще одно указание на игру в «постоялый двор» – в с. Торгашино [Красноярского р-на] в разговоре с Леной Л., 11 лет, когда, перечисляя известные ей игры, та упомянула и «постоялый двор». Выяснилось, что «раньше-то все дети играли – так мама сказывала, теперь-то перестают».

Записать эту исчезающую игру с ее слов не было возможности, так как «это можно, когда играют», потому что эта игра требует от всех участников ее импровизации. Хозяин, хозяйка, работник – персонажи «постоялого двора». Приказчик обоза, ямщик и прочие – все они во время игры действуют вполне реально, но каждый раз по-новому. Вводятся или опускаются те или иные детали, каждый участник творит разговоры, сцены и действия, воспроизводя картину постоялого двора во время остановки обоза.

Так как дети притрактовых сел в то время слышали много рассказов о разбойниках, грабеже обозов, бродягах и т. п., то они в возрасте 5–8 лет играли еще в «разбойников» и «варнаков»¹.

В 1928 и 1929 гг. часть лета я проводила в с. Семиверстке, где два–три видела промчавшихся мимо меня малышей с колокольцами на шее, запряженных парой с ямщиком и седоками, – это играли в «бланку»². В эти же лета в деревне каждый день крестьяне ездили по улице и кричали: «Кому мяса? Кому мяса?» По праздникам приезжали из города мороженщики и кричали: «Сахарно морожено!» – и ребята по всей семиверстной улице играли в торговлю мясом и в «сахарный мороз», изображая всю картину продажи, ряда, развеса и т. п.

Во время покосной полосы 1929 г., когда по всей деревне шли приготовления к покосу и отъезды целыми партиями, мне пришлось натолкнуться на группу ребят, которые играли в «сборы на покос». Здесь были дощечки, изображавшие телеги, запряженные лошадьми, на них

¹ «Варнак» в сибирских диалектах – уголовный преступник, беглый каторжник или ссыльнопоселенец.

² «Бланка» (искаженное от «бланк») – официальный документ, дающий право на проезд по большому тракту за казенный счет.

укладывали необходимую утварь и припасы. «Мужики» требовали у «баб» то одно, то другое. «Бабы» в свою очередь заявляли свои требования. Все суетились, укладывали, завязывали и толковали между собой о сроках, на которые едут на покос... Позднее я слышала, что ребята играли и в самый покос, и в другие страдные работы.

Кроме указанных игр, отражающих трудовой быт, ребята воспроизводят в своих развлечениях и явления общественной жизни. Например, во время войн ребята играют в «войну», после гражданской войны играли в «красных и белых». Приходилось слышать, что в партизанских районах играли в «партизан» (на запись игр, отражающих современность, необходимо обратить больше внимания).

В последние годы мне пришлось видеть, как после проведения первомайской демонстрации в Семиверстке, Батое ребята группами в 5–10 человек ходили по улицам с красным платком на палке и пели песни. <...>

Также отражают ребята и семейный уклад, играя в «свадьбу», в «семейные ссоры» и т. п. Мне удалось получить от одной крестьянской девушки запись ссоры двух подруг: играли, играли и поссорились. Их диалог – повторение того, что они слышали от больших. <...>

Всем известна игра в «клетку», которая изображает дом со всеми обитателями и всей обстановкой. Играющие девочки (большой частью без мальчиков) в этой клетке заставляют своих «внуков» якобы проделывать все, что требуется хозяйственным домашним укладом: прибирают помещение, взбивают перины и подушки, покрывают кровати и все укладывают так, как видят у взрослых. «Шьют платья» своим куклам, идут «кормить скот», который условно изображают камни, черепки и тому подобные предметы, «доят коров» – трут кирпич о кирпич, и получающийся при этом песок изображает молоко. «Ходят в гости» из клетки в клетку, где ведут разговоры обо всех хозяйственных заботах, занимаются «сплетнями» про воображаемых соседей и т. д. Все это делается и говорится от имени кукол.

16/VIII 1929 г. в д. Заледеевой мне пришлось видеть такую игру в «клетку» у нянек в возрасте 8–10 лет. Лошадей, коров, овец заменяли

«простеньки» – шишки камыша. Эти же «простеньки» изображали убитых гусей и уток. Их теребят и полученным «пухом» набивают кукольные подушки и перины (иногда набивают перины опилками). Кукол шьют сами, иногда покупают в лавке головку, а туловище и костюм шьют из лоскутьев, в фасонах подражая существующей городской моде.

Кроме указанных игр, дети играют и в обычные, распространенные игры – «крыночки», «хороводы», «кошки-мышки», «прятушки» и т. п. Мальчики любят играть в мяч и клюшки, зимой катаются все на санках и самодельных коньках, летом ходят в лес по цветы, ягоды, а осенью – по грибы.

Творчество детей отражается не только в построении тех или других игр, но и в устном соревновании острых словечек и рифмованных фраз. Часть такого рода произведений перенимается от старшего поколения, но часть творится и самими участниками игры – малышами. Сюда надо отнести дразнилки, считалки, поддевки, загадки и т. п. Так ребята дразнят какого-нибудь товарища:

1) *Усь, усь, не попал,
Свою мать закопал –
Не в гроб, не в могилу,
В пропащу кобылу.*

2) *Ах ты, Нюра, тара-ра,
Тебя кошка родила,
Поп крестил —
В Енисей спустил.*

Об устном творчестве детей, как города, так и деревни есть специальные работы, и поэтому на этом вопросе я дальше останавливаться не буду. Укажу только, что в детский быт взятого мною возраста входят и сказки, которые они рассказывают друг другу. Иногда это бывает пересказ тех сказок, что они слышали от бабушки и дедушки, а иногда бывает и сказка личного

творчества маленьких участников игры.

Дети-работники.

Пора беззаботного детства у крестьянских детей очень коротка, особенно в семьях бедняков, где в силу нужды приходится возлагать на ребят целый ряд обязанностей и работ. Так, в бедных семьях 5–6-летние ребята – уже «няньки», то есть они должны заботиться о маленьких братьях и сестрах, забавлять их, кормить и охранять от разных опасностей. Но это, конечно, как исключение, а правило – нянька 7–8 лет повсюду и при всяких материальных условиях.

Если в семье нет маленьких детей, а есть нужда, то такие семьи отдают 7–8-летних девочек в чужие семьи, чтобы зарабатывали «на себя». Такой няньке в прежнее время платили по 1 р. в месяц и то, что «вырядят из одежды». Теперь – плата от 2–3 р. в месяц и тоже «ряженое».

Нужно, конечно, добавить, что поступившая в няньки, кроме «водьни» с ребятами, должна будет вообще все делать по хозяйству, что надо в крестьянстве. Даже в домашней обстановке родной семьи на ребят с 6–7 лет возлагается большая часть домашней работы: куриц и цыплят кормить, воды им ставить, уток и гусей рано утром угонять к реке или к пруду, а вечером пригонять во двор, носить с речки или из колодца воду домой, дрова для печек и т. п.

Чтобы выяснить, какие работы лежат на детях в крестьянстве, я попросила своих маленьких помощниц в с. Батой (8–11 лет) написать, что они делают дома, и получила ряд записок, из которых извлекаю такой материал:

Весной. Девочки помогают садить в огородах: «Лунки делала, лунки затаскивала (заполняла перегноем), садила огурцы и поливала, боронила в огороде, гряды делала, капусту садила, поливала капусту, свеклу садила, горох, брюкву, луковицы, чеснок, табак садила и поливала. Полола на пашне, боронила, когда хлеб сеяли, и пары боронила, борозды проскребала» и т. д.

Мальчики: «Миша боронил в огороде и на пашне», «Вася пахал, боронил», «Мальчики ездят на дровосек».

Летом. «Летом девочки много работают, у них много заботы: первым делом, когда [в]стают – идут давать курам, гусям и индюшкам, уткам корму. Когда родители поедят, девочки убирают со стола, принесут с речки воды, моют в избах, поливают в огородах, ставят самовар» и т. п. Во время страды работы прибавляется: хлеб полют, картофель полют.

Осенью. Когда главная забота – убрать хлеб, выкопать картошку, снять в огородах овощи, на ребят выпадает большая доля труда: снимают капусту, вытаскивают морковь, свеклу, брюкву и другие овощи. Все это потом уносится во двор для опускания в «яму» (погреб), где у сибирских крестьян хранятся овощи всю зиму. Потом копают на пашне картофель и увозят домой. Носят воду для дома и на поило скоту, делают все домашние работы.

Зимой. «Некоторые дети учатся, но все же они помогают дома. Придут домой, поедят, уберут со стола – начинают учить заданные уроки. Когда начинает наступать вечер, девочки идут таскать дрова. Маленькие девочки подтопляют печь (железную), метут избу, ставят самовар, щипают лучину» и т. п.

В общем, нужно сказать, что с 7–8 лет мальчики – борноволоки¹, в 11–12 лет приучаются пахать, и в 12–13 лет мальчик – настоящий пахарь. Девочка с 12–13 лет считается полной хозяйкой, знает все хозяйство и летом самостоятельно выполняет все работы.

Очень тяжело достается в бедных семьях, когда нет больших работников – отца или старшего брата, тогда вся тяжелая крестьянская работа ложится непосильным бременем на 12-летнего подростка. Такой мальчик вырастает «заморышем», с надорванным здоровьем. Одна крестьянка с. Батой рассказывала про своего сына, что ему 12 лет, а он всю «мужицку работу» несет по хозяйству, в школе не учится, «потому [что] ему грамота не даетца – зачарованный он работой, вот грамоты-то ему и нет».

¹ «Борноволок» – подросток, управляющий лошадьми во время боронования вспаханного поля или огорода, заделки семян в почву.

Н. Костров. СУЩЕСТВУЕТ ОБЫЧАЙ «РОВНЯТЬ» РЕБЕНКА...

Костров Н. А. Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губ.¹ // Сибирь. – 1881. – 24 мая. – С. 5–6.

Князь Николай Алексеевич Костров – известный краевед, этнограф и статистик второй половины XIX в. В 1861–1881 гг. работал в Томском губернском статистическом комитете, стал его секретарем. Нами переиздается одна из статей, впервые напечатанная в иркутской газете. Сокращены материалы, относящиеся к аборигенным этносам.

Говоря о первоначальном физическом воспитании детей в населении Томской губернии, необходимо различать население русское от населения инородческого.

В русском населении губернии ребенка сейчас же после рождения обмывают в теплой мыльной воде (температурою 28–29° по Р[еомюру]), с целью удалить с кожи жирную смазку и очистить его от кровей матери. Омывание производится руками повитух при помощи губки, тряпки и мочалки, т. е. мягких волокон рогожи. Иногда при этом кожу новорожденного смазывают деревянным или коровьим маслом. Если ребенок слаб, то в ванночку нередко прибавляют от одной до трех рюмок простой водки. Повитухи хвалят это средство, как укрепляющее. Затем в тот же день, или на другой, ребенок вместе с матерью отправляется в довольно жарко натопленную баню, где вновь обмывается и даже парится березовым веником. Это повторяется дня три сряду. В продолжение первых двух недель ребенка обмывают каждодневно (?²), а впоследствии все реже и реже. Насколько это обмывание делается тщательно, замечает медик [в одном из отчетов], можно судить по тому, что много раз случалось осматривать двухнедельных детей и находить на них родовые нечистоты в пахах и

¹ Настоящая статья составляет свод сведений, доставленных в [Томский губернский] статистический комитет городскими и окружными медиками. (Примеч. автора.)

² Вопросительный знак поставлен автором.

подмышках. Так же небрежно матери смотрят за чистотой кожи ребенка и впоследствии. Нередко мать является к медику даже с полугодовым ребенком, жалуется, что он «не спит, плачет, не дает покоя». При осмотре оказывается, что ребенок совершенно здоров, но в пахах и подмышках «до такой степени заплелось, что кожа предалась гниению». Не говоря уже о простонародье, такие вещи случаются у купцов, и притом более или менее развитых. Более всего неряшество и небрежности к новорожденным встречаются у крестьян-переселенцев из Воронежской и Тамбовской губерний. Обопрелые воспаленные места кожи присыпают крахмалом, сухими древесными гнилушками, иногда квасцами. С другой стороны, вследствие парения новорожденного несколько дней в бане и влияния жара на кожу, она сильно раздражается и подвергается сильным заболеваниям в виде накожных сыпей.

У некоторых детей вскоре после рождения развивается особенная болезнь, известная в народе под именем *кочерги*; другие даже и рождаются с нею. Болезнь эту приписывают тому, что беременная мать пинала собак, свиней или переступала через оглоблю. Она выражается тем, что ребенок без всякой видимой причины начинает сильно беспокоиться, плохо спит, постоянно кряхтит и шевелится, выгибая спинку назад. Все эти болезненные явления, по мнению народа, зависят от присутствия в глубине кожи маленьких жестких, похожих на щетину, волосков, которые первоначально появляются сперва вдоль позвоночного столба, а впоследствии разрастаются повсюду; при этом никаких местных признаков раздражения общих покровов не заметно. Лечение этой болезни знахарки, обыкновенно, производят так: больного ребенка несут в легко истопленную баню, где больные места натирают при помощи жесткой тряпки дрожжами, молоком с крымзой¹ или калиной, гущей, грудным молоком. От натирания волоски в большом количестве выходят наружу. Знахарки утверждают, что иногда бывает достаточно одного сеанса для полного излечения этой болезни; совершенное успокоение ребенка составляет признак

¹ Крымза – белый цинковый купорос.

благоприятного ее исхода.

Другая болезнь, встречающаяся нередко у детей первого возраста, называется народом *собачья старость*. Она состоит в том, что ребенок принимает старческий вид. При излечении ее знахарки обмазывают больного сметаной, которую дают слизать собаке; или варят пельмени с наговорами и также скармливают собаке.

За границей и даже в России полагают, что в Сибири иногда купают новорожденных в рассолах, настоях, смесях и даже погружают в снег; но в Томской губернии эти операции не только не практикуются, об них даже не слышно. Но зато нередко можно встретить следующие интересные случаи. «Хозяйка моей квартиры, – говорит бийский окружной медик, – ночью родила, а утром я ее встретил с новорожденным на улице. Она была в одной рубахе, юбке и босиком, а ребенок лежал на тряпке, но лицо и голова, живот и ножонки были открыты и красны, как кумач, – доказательство, что он прямо из бани. Это было в январе, мороз был сильный, а баня от избы находилась саженьх в 200. Родильница по настоящее время совершенно здорова, а ребенок растет и уже чуть ни невеста. Факт этот имел место в городе, в купеческом доме. Что после этого придется думать о крестьянах, живущих где-нибудь в глуши?» <...>

Одежда детей в русском населении края, равно как в обруселом инородческом, состоит из рубашечки более или менее толстого холста, которая, переменяясь более или менее редко, пропитывается накожным испарением и, таким образом, производит раздражение кожи. Рубашка надевается на ребенка сейчас же после омовения. Однако ж в Нарымском крае рубашка надевается на ребенка не раньше того, когда он окрещен; до этого же времени он просто завертывается в какие-нибудь тряпицы. Впрочем, то же самое можно встретить иногда и в других местах. <...>

Пеленание детей общеупотребительно как в русском, так и в оседло-инородческом населении губернии. Ребенка поверх рубашечки обвертывают с головки до ножных ступней холщовой или бумажной пеленкой, складывая ноги прямо, а руки на грудь или вдоль туловища, и опоясывают так

называемым свивальником, то есть бинтом вершка 1 1/2 – 2 ширины и аршин около 2 и более длины, состоящим из холста или какой-нибудь материи или связанным из бумаги, шерсти и т. п., с пришитыми на концах тесемочками для завязывания. Иногда свивальник заменяется кромкою от сукна и даже простою веревкою.

Бинтование обыкновенно начинается с плеч и оканчивается на лодыжках. Надетый на головку ребенка платок, подложенный концами под пеленку и увиваемый по ней циркулярными ходами свивальника по туловищу, удерживает головку в положении между сгибанием и разгибанием. Пеленание всегда производится осторожно, не очень туго, как говорится здесь – *охляб*, легко сбивается и держится слабо. Поэтому в большинстве случаев оно не имеет заметного влияния на формирование членов. Однако ж при небрежности пеленания нередко являются кривобокость и косолапость. Пеленание обусловливается в народе удерживанием ручек ребенка от расцарапывания личика и т. п., при существующем в то же время убеждении, что оно вообще действует успокоительно на ребенка и способствует тому, чтобы он раньше ходил. При этом необходимо заметить, что при пеленании остается незакрытой задняя часть тела ребенка, на случай более удобной перемены постилок после испражнения; но это дает повод некоторым матерям по два и более дня не распеленывать ребенка. <...>

Во всей губернии, за исключением некоторых местностей Нарымского края, у русского населения существует обычай «ровнять», или «править» ребенка. С этою целью тотчас по обмытии кладут его на спину, берут и стягивают сперва вперед и накрест пальцы ног к локтям, потом поворачивают на живот и стягивают также накрест пальцы рук к ногам; наконец, кладут на ладони серединой тела так, чтобы голова и ноги висели, и встряхивают несколько раз, приговаривая: «Расправлен – теперь уж уродцем не будешь». Ровняние производится повитухами, а иногда знахарками. Принимая родовую опухоль за уродливость черепа, повитуха или знахарка ровняет также головку ребенка с помощью легких подавливаний и разглаживаний опухоли. Носик ровняется посредством легкого сжимания его

кончика. Иногда ровняние не ограничивается только одним разом, а повторяется несколько раз в первые дни после рождения, при каждом пеленании ребенка. <...>

Колыбели и постели употребляются как у русских, так и у инородцев.

У русского населения колыбель, или, по-здешнему, *зыбка* устраивается в форме деревянных рамок, как у пялец, обтянутых холстом, дабой, тиком и т. п. В некоторых местах эти зыбки делаются очень плоские, так что дети часто выпадают из них, и медикам нередко случается наблюдать значительные ушибы, происшедшие от этого, а равно вывихи рук и ног. Впрочем, это можно отнести еще и к тому, что у крестьян старшая дочь или сын пяти и даже четырех лет уже нянчит своего месячного братишку или сестренку, а восьмилетние девочки нанимаются уже в няньки в крестьянские, более зажиточные дома. Можно ли удивляться, что при таких няньках бывают десятки случаев не только ушибов детей от падения из колыбели, но и утоплений, ранений животными и т. п. Переселенцы из внутренних губерний [Европейской России] очень часто плетут зыбки из прутьев в виде корыта. Для подстилки в зыбках употребляются перинки, тюфячки с шерстью, куделей и т. п., поверх которых под задние части детей подкладывают стеганые подстилки, сменяемые после пропитания их испражнениями. Зыбку привешивают, большею частью, к концу длинной жерди, аршина в 4, заткнутой другим концом за потолочную матицу, причем качание ее, считающееся, по общему мнению, неизбежною потребностью в первое время жизни ребенка, производится в вертикальном направлении; или же зыбку вешают за кольцо или крюк, ввинченные в потолок, причем качание производится горизонтально. <...>

Перейдем теперь к питанию ребенка у крестьян и инородцев. Несколько часов после рождения ребенку не дают никакой пищи. Затем, вымыв его, ему вкладывают в рот тряпичную соску, наполненную тертой свеклой, тертой морковью, разжеванным конопляным семенем или чем-либо подобным. Это делается в видах очищения желудка. Большею частью жуют хлеб, завязывают жовку в тряпицу и дают сосать ребенку, чтобы покормить и

успокоить его, пока он не поправится. Через полсутки, а иногда и через сутки ребенка прикладывают к груди, так как кормление грудью признается совершенно необходимым как русским, так и инородческим населением. Но часто случается, что ребенок не берет груди или по слабости, или по малости сосков. Тогда мать со спокойною совестью отказывается от кормления грудью и начинает кормить ребенка коровьим молоком с рожка, для чего обыкновенно берется небольшой коровий, вычищенные внутри рог, на конец его навязывается коровья титька со сделанным на оконечности ее отверстием величиною с булавочную головку; затем в рог наливается молоко. У более зажиточных рожки бывают металлические из белой жести и даже серебряные. Рожки эти содержатся в крайней небрежности. Часто титька не снимается и не моется до тех пор, пока не издержится совершенно; рожок тоже, если и моется, то не более одного раза в неделю. Иногда рожок издает такую вонь, что к нему неприятно даже подойти близко.

Недели три—четыре спустя после рождения ребенку начинают давать соску с размоченными хлебными крошками, кашею, разжеванным картофелем, словом, всем тем, что едят большие. Соска состоит из простой тряпочки с рожком, если дают сосать что-нибудь жидкое, или же одной тряпочки без рожка, если употребляют хлеб, булку, сушки и т. п., разжеванные или размоченные в воде простой или сахарной, или в молоке. Соска употребляется не столько для кормления собственно, сколько для убаюкивания беспокойных детей. От раннего употребления крахмалистых веществ и частого присутствия в полости рта молочной титьки у детей делается расстройство пищеварительных путей, истощение тела и, наконец, причиняется смерть. В простом классе бóльшая половина детей погибает в первом году жизни именно от неправильного искусственного кормления.

Если мать кормит ребенка грудью, то отнятие от нее обуславливается в большинстве случаев рождением другого ребенка, хотя нередко бывают случаи кормления грудью вместе с новорожденным и прежнего ребенка... Если же другого ребенка не бывает вскоре, то кормление грудью производится нередко года по три и по четыре, смотря по домашней

обстановке, здоровью и желанию матери. Нередко тут играет важную роль и любовь матери к ребенку: чем более она его любит, тем долее кормит (нежит). «Однажды мне случилось заехать в крестьянский дом, – рассказывает один медик. – Войдя в избу, я увидел мать, стоящую подле лавки, а на лавке стоял порядочный парнишка и сосал грудь. На вопрос: “Ты что делаешь?” – парнишка оставил грудь, сплюнул, вытер губы рукавом и преспокойно ответил: “Титьку сосу”. – “Да тебе который год?” – “А сестой”». Кормление грудью два и три года – вещь обыкновенная как у русского, так и у инородческого населения.

Что касается до сиденья, ползанья и начала ходьбы ребенка, то развитие этих актов предоставляется природе, и никаких искусственных средств для приучивания к ним детей не употребляется, за исключением разве обкладывания детей подушками или одеждою при начале сиденья и поддерживания их за ручки при начале хождения. Смотря по крепости и силе ребенка, он начинает сидеть, большею частью, с 3-го месяца по рождении, ползать с 6-го месяца, а ходить с 9-го и даже с года. Бывают и такие случаи, что ребенок начинает ходить только в половине или в конце третьего года [жизни].

М. Соловьев. АНГЕЛЫ-АРХАНГЕЛЫ В ГОЛОВУШКАХ СТОЯТ

Красноярский краеведческий музей, о/ф. 7886, п. и. 110, л. 108–109 об.

Фольклорно-этнографическая запись под названием «Разговор с ребенком и пестованье» сделана автором в июне 1928 г. на ст. Разгон Восточно-Сибирской железной дороги от Надежды Игнатьевны Ясугановой, 53 лет, уроженки д. Никольской Алзамайской волости Нижнеудинского окр. Иркутской губ. Публикуется впервые, с сокращениями и небольшой редакторской правкой.

Когда ребенка вынимают из зыбки, чтобы он «погулял», мать или нянчившая его старуха почти все время ведут с ребенком разговоры:

– Да Валюшечки, да поскакушечки, да попрыгушечки, Валюшочик мой, малышочек мой, дорогушечка моя да роднушечка моя. Моя милушка, моя деточка, ифасеточка, моя доченька, моя маленька, моя полненька. Скакушечки да попрыгушечки, о-ё-ёшиньки, эти рученьки да эти поясьеньки, баданоясьеньки. Моя деточка, расконфеточка...

Устав подбрасывать ребенка, бабка садится на кровать и, посадив ребенка к себе на колени, продолжает беседу почти в том же духе, но более спокойным тоном:

– Сядем, посидим, по калачику съедим.

– Вишь, голова поехала по дрова, а маслена головушка – дома сидит.

– Моя Валечка, дала бы я тебе пряничка, да ломаного нет, а целого – жалко.

– Ах ты, девица-мастерица – гармошка пагубница.

Если ребенок мальчик, то ему говорят:

– Вот он какой у нас бравый парень – первый на всю деревню, а в деревне один дом.

Если ребенок делает попытку подняться на ноги, то начинают его слегка подбрасывать на руках, напевая:

*Моя милка – невысока на ногах,
Накопила много сала на боках.*

Когда ребенок нагулялся и начинает уже капризничать, желая спать, мать кладет его поперек кровати и, пеленая, уже на мотив колыбельной песни начинает напевать:

*Валенька, Валешенька,
Маленька, хорошенька.
Маленька, хорошенька
Из г... горошинка.
Миленька, красивенька
Да така сопливенька...*

Запеленав, она кормит ребенка грудью или, положив в зыбку соску с молоком и завесив зыбку пологом, качает ее и поет колыбельные песни:

*1) Баю-бай (2 раза),
Не ходи сюда, бабай (2 раза),
Мою Валю не пугай.
Моя Валенька одна,
Она спатиньки легла.
Ни читать, ни писать,
Только глазоньки зажжать.
Уж ты спи, ты усни,
Угомон тебя возьми.
Иишо Сон да Дремá
Навалися на тебя.
Иишо ходит Сон по лавке,
А Дремота по кутé (2 раза)*

*Ищет Валеньку везде.
Где Валюшеньку найдет,
Тут и спать укладет.
А Дремота хороша –
В колыбели нашла (2 раза),
Убаюкивала:
«Баю-баю, не ругаю,
Уговариваю.
Спи, Валюша, по ночам,
Ты расти-ка по часам.
Спи, Валюшенька, подольше –
Вырастешь побольше.
Валя вырастет большая,
Будет в серебре ходить (2 раза),
Чудо-золото носить».*

*2) Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Светит месяц, светит ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Тебе песенку спою (2 раза)
Про Валюсю про свою.
<...>*

*4) Баю-баю, баю-бай,
Пойди, бука, под сарай (2 раза),
Коням сена надавай.
Кони сено не едят,
Всё на Валеньку глядят. <...>*

б) Ангелы, архангелы

Да все в головушках стоят,

А хранители, спасители

Малюточку хранят.

Расхранитель, ангел твой

Увивался над тобой.

Ризою святой

Колыбель твою накрой.

Колыбелечка твоя

Позолоченная.

В колыбели золотой

Спит младенец дорогой.

М. Красноженова. ИГРАЮЩИЕ ВСТАЮТ В ХОРОВОД И ПОЮТ...

Красноярский краеведческий музей, о/ф. 7886, п. и. 110, л. 62–63.

Работая над темой «Ребенок в крестьянском быту», М. В. Красноженова описала множество детских игр – по собственным наблюдениям в Приенисейском крае и рассказам здешней детворы. Ниже приводятся несколько записей, сделанных во второй половине 1920-х гг. в с. Кускун Манского р-на Красноярского окр. (публикуются впервые).

<...>

«Ехал царь горою». Играющих сколько угодно. Все они встают в хоровод и поют:

*Ехал царь горою,
Все девки – за мною.
Одной девки нету,
Одной красной нету.
Завтра поутру
Блины напечены,
Сухари толчены,
Яблоки копчены.
Раскис хоровод,
Он вот эдакой долины –
У-у-у...*

При словах «эдакой ширины» хоровод растягивается как можно шире, а при словах «эдакой долины», наоборот, сбегается и растягивается в длину.

«В птички». Играющих сколько угодно. Все они встают в хоровод, выбранные [мальчик и девочка] ходят в кругу и [все] поют:

Летели птички,

Птички-невелички.

Тут и осень, и зима

Заморозила меня. [Припев повторяется после каждых двух строчек.]

Как они летели,

Все люди глядели.

Как они садились,

Все люди дивились.

Как они вспорхнули,

Все люди вздохнули.

Как они прощались,

Три раза целовались.

Тут и осень, и зима

Заморозила меня.

Выбранная пара ходит по кругу, проделывает все, что говорится в песне, а именно: бегают по кругу, изображая летающих птиц, садятся, вспархивают, целуются. На этом игра кончается, и по кругу идет вновь избранная пара.

«Пава». Играющих сколько угодно. Все они встают в хоровод, а двое выбранных встают в круг – это пава и павлин. Все поют:

Как за нашим за двором,

За зеленым за садом

Росла травка шелкова.

По той травке пава шла,

За павой павлин идет.

Ай-люли, он идет,

Ай-люли, он идет.

Кричит: «Пава, ты моя, ты моя».

– *«Нет, я, сударь, не твоя, не твоя».*

Поют это все два раза, и в третий раз пава уже отвечает: «Теперь, сударь, я твоя, я твоя». После этого пава и павлин сменяются, и игра продолжается.

«Сидит олень под кустиком». Играющих сколько угодно. Один выбирается оленем, и он собирает фантики со всех. Когда соберут фанты, все становятся в ряд. Олень бежит, а его догоняют; кто первый догонит оленя, тот и назначает, что делать тому или иному фантику. Во время сбора фантов все играющие поют:

Сидит олень под кустиком,

Под рустиком.

– Тепло ли тебе, олень?

– Приоденьте меня,

Приукутайте

Сорванца, оборванца.

Синю шапочку, опоясочку –

С малова ребенка,

Рубашку с плеч,

Поясочек с плеч.

У нас Паночка любá,

Всё платочек подала...

<...>

«В летнем садочке». Играющих неограниченное количество. Все они образуют хоровод, а одна, например, какая-нибудь Нюра, ходит за кругом. Все поют:

В летнем садочке

Есть много цветочков.

*Я наберу их из разных садов.
Роза, фиалка и лилия здесь есть,
Можно для Нюрочки веночек заплесть.
Нюрочка, Нюрочка, как Вы хороши,
Любит Вас Колечка ото всей души.
Мается, считается –
Двенадцать часов бьет;
Коля одевается,
За Нюрочкой идет:
– Куды же Вы торопитесь,
Куды же, андел мой?
Вы ноженьки примочите,
Поедемте со мной.*

«Припетый» в песне Колечка выходит за круг и идет вслед за Нюрой, к нему «припевают» следующего кого-либо из играющих, и т. д. Игра продолжается до тех пор, пока весь хоровод не выйдет за круг.

М. Пальмин. В УКОМНОМ МЕСТЕЧКЕ СОБИРАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО МАЛЫШЕЙ...

Красноярский краеведческий музей, о/ф. 7886, п. и. 117, л. 24 об.–25.

По просьбе М. В. Красноженовой в 1920-х гг. воспоминания о своем детстве, о жизни земляков «в прошлое время» – до проведения Транссибирской железной дороги в конце XIX в. – написал уроженец с. Березовского Красноярского р-на (14 км от г. Красноярска) М. И. Пальмин. В полном виде данный отрывок из мемуаров публикуется впервые.

<...> Дети, говорят в общежитии, склонны к подражанию: чем ярче, чем чаще впечатления реальной жизни, тем и душевные движения, вызванные ими, определеннее. Свои впечатления от действительной жизни дети преломляют в играх. На детей с. Березовского в прошлое время производило исключительное впечатление движение обозов [по Московско-Сибирскому тракту]. Дети играли в обозы.

Игра эта заключалась в летнее время в следующем. Устраивались самими детьми (8–9 лет) тележки. Колесиками служили перерезанные пополам юрки от ниток. Колесики надевались на ось, сделанную из тоненькой дощечки. К оси прикреплялись две оглобли. Лошадью служили бабки¹. Цибиками чая – кусочки битого кирпича. Деньгами для расплаты – красные, желтые, синие листки бумаги (с китайскими надписями), которыми прокладывались кирпичи чая в [настоящих] цибиках.

В теплое время дня, где-нибудь в укромном местечке, собиралось несколько малышей. Сооружались клетки – это деревня. Создавался обоз и двигался к деревне. Раздавалось «чай-чай», «пошел». Иногда обоз останавливался, ямщикам приходилось наскоро ремонтировать дорогу, обходить препятствия. Наконец, обоз достигал клеток – деревни. Лошади

¹ «Бабки» в данном случае – надкопытные говяжьи или лошадиные кости, вываренные и освобожденные от плоти. Они широко употреблялись в детских играх; существовала и особая игра в «бабки» – боевой бабкой («панком», «битком») сбивали бабки, поставленные на земле (на «кону»).

распрягались, ставились к корму, кирпичи чая складывались в кучу – в «таборá». Лошадей поили у корыта. Потом лошадей снова запрягали, складывали чай на телеги, и обоз опять двигался.

В зимнее время игра в обозы носила другой вид. У каждого мальчика были санки. Выстраивались гуськом один за другим и шли по товару, т. е. искали плотный слежавшийся снег, резали его на пласты, складывали на санки и везли.

Игра в обозы была любимой игрой детей в то время, и казалось, что ей не суждено будет никогда умереть. В действительности оказалось другое. Прошла железная дорога. Перестали ходить через Березовку обозы. Резко изменилась вся жизнь села. <...>

Из крестьян многие, «державшиеся больше за кнут», т. е. ямщину и дворничество, уехали в город и стали извозчиками. Все обеднели, притихли. Постепенно стал нарастать интерес к огородничеству – г. Красноярск стал предъявлять спрос на овощи. Стали заниматься тем, что требовал городской рынок. Игра в обозы среди детей совершенно умерла. <...>

А. Ермолаев. ПЕРЕД НАМИ ЖИЗНЬ СЕМЬИ, КАК ЕЕ ПОНИМАЕТ ДЕТВОРА

Красноярский краеведческий музей, о/ф. 7886, п. и. 209, л. 69–70.

Впервые публикуются отрывки из научного «Отчета о поездке в Приангарский край (1911 г.)», принадлежащего перу красноярского этнографа-краеведа. В отчете описываются культура и образ жизни (в том числе семейный быт) крестьян-ангарцев – землепашцев, рыболовов и охотников. Текст разделен при публикации на абзацы – для удобства чтения.

<...> Игры детей – это копия того сравнительно сложного хозяйства, какое у них перед глазами. Игрушки мальчиков: резаные из дерева кони, лодки, различный сельскохозяйственный инвентарь в миниатюре – сохи, бороны, грабли, вилы, топоры, сани, все это сделано ножом еще неуверенной детской рукой, но уже видно понимание назначения как отдельного предмета, так и самых мелких деталей. Перед вами маленький человек 6–9 лет, знающий уже, в принципе, как устроить якорь и наплав для самолота¹, как наставить пасть на зайца.

У девочек мы находим комплекты кукол с полным хозяйством. Кукольная семья состоит обыкновенно из «мужика», «бабы», у них «робенок» или два. Близ кровати висит детская люлька (из спичечной коробки), какая-нибудь коробка из-под пороха или деревянная чурочка, покрытая лоскутком ситца, изображает стол. На последнем есть все, чему на столе быть полагается: самовар, посуда, кушанье – в виде различных по форме и величине кусочков стекла, картона, клочков бумаги и т. п. Перед нами жизнь семьи, как ее понимает детвора. И мальчики, и девочки, отвечая своим наклонностям, начинают понимать и делать значительно ранее многое из того, с чем им придется столкнуться потом, когда они уже оставят игры.

¹ «Самолов» – донное приспособление для рыбной ловли с большими крючками. Далее «пасть» (от слова «падать») – охотничье приспособление, ловушка для мелких животных.

Своим трудом дети участвовать в хозяйстве начинают рано. Мальчик проходит школу сельскохозяйственных работ, одновременно знакомится с употреблением рыболовных снастей, а с 12–14 лет учится обращаться с ружьем. Мне случалось видеть 6–7-летних девочек, прявших на игрушечной «преснице» (прялке). В эти годы они являются помощницами матери, исполняя роль няньки меньших братишек и сестреноч своих.

Стряпня, уход за скотом, птицей, пряжа, тканье, вышивание и другие ... домашние работы – это еще не все, что должна уметь девушка. Работы в поле: жатва, молотьба, сенокос, а также неводьба и умение поставить сети, морды и другие рыболовные орудия, умение управлять лодкой, грести, ходить на шесте и т. д. – это настолько же женская, насколько и мужская работа, она в общей сумме создает участие женщин в ведении хозяйства ничуть не меньшее, чем таковое же мужчин. <...> Различие между мальчиком [и девочкой] проводится с самого раннего детства. Ему всегда и во всем явное предпочтение. <...>

Приобретенные [детьми в начальной школе] познания быстро забываются почти совершенно, так как окружающая обстановка ни в какой степени не соответствует развитию любви к книге, – скорее наоборот.

Вообще, условия, среди которых ребенок развивается, где он получает первые уроки жизни, иногда весьма неприглядны. Я не раз бывал свидетелем семейных разговоров за едою или после нее, темой которых служили иногда самые грязные подробности отношений между лицами, часто присутствовавшими тут же. Грубые, скабрзные шутки, замечания вставляются то и дело, все смеются, смеются и дети, которые находятся здесь же... <...>

Ф. Зобнин. ВСЯКОЕ ДЕЛО НАДО НАЧИНАТЬ С МОЛИТВОЙ

Зобнин Ф. К. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского окр.) // Живая старина. – 1894. – Вып. 1. – С. 39–64.

Филипп Кузьмич Зобнин родился (середина XIX в.) в крестьянской семье в слободе Усть-Ницинской на юге Тобольской губ. Получив образование, работал учителем в родном селе, занимался исследованиями народного быта и фольклора. Несколько своих работ опубликовал в научной печати. Здесь перепечатываются отрывки из статьи, помещенной в столичном журнале. О традиционном детском и молодежном календаре автор повествует по собственным воспоминаниям и этнографическим наблюдениям. При переиздании введена разбивка текста на короткие рассказы, выделены новые абзацы, орфография приближена к современной.

<...>

[Весенние птицы – милость Господня.]

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а весело! Сердце трепещет, как птицы начнут прилетать. Мы с братом с половины зимы ждали скворцов – два дупла для них привезли. Скворец – птица пытливая, не сейчас поселится в гнезде, а (обидно даже: как будто его обманывать станут) десять раз прилетит, высмотрит дупло, а потом уж и гнездо таскать будет, а там того и гляди свистать да распевать по утрам примется.

Потом мы с братом голубей сильно любили. Но их, впрочем, все в Гагарах¹ любили. У нас [в родительском доме] даже и картина была: сидит Господь-Саваоф на престоле, а в самом сердце у него голубь написан. Стало быть, эта птица угодна Ему, коли в таком месте посажена. Поэтому голубей в Гагарах никто не зорит, разве уж какие-нибудь отпетые, на которых ни

¹ Поскольку тексту придана художественная форма, автор заменил настоящее название с. Усть-Ницинского на слободу Гагары.

креста, ни пояса нет. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраивают, чтобы голуби велись да гнездились.

Ласточек в Гагарах уважают еще больше, чем голубей. Про голубя что ни говори, все же он птица домашняя, зиму и лето у нас на глазах, а ласточка – гость.

Да, кроме этого, ласточка – полезный гость. Мама говорит, что если ласточка у нас поселится, значит, Господь нам свою милость послал. Ну, как же не полюбить такую милую, да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго следим – зачем это так часто к нам ласточки летают? На поверку окажется, что они у нас под крышей гнездышко свили.

– Мама, мама! – радуемся мы. – У нас ласточки живут!

– Где? – притворно удивляется мама. – Это к Тиме летают.

– Нет, к нам, к нам! Вот посмотри, – и мы тащим ее под крышу. <...>

[Обычаи и обряды Великого четверга.]

Наступает Великий четверг. Нам еще с братом накануне говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто в Великий четверг встанет до солнышка да обуется, тот в году много утиных гнезд будет находить. <...>

Утром в четверг только встанем – видим, как на божнице¹, около икон, стоит коврига хлеба и большая резная деревянная солонка: это четверёжный хлеб и четверёжная соль. Таков обычай, искони веков заведенный. После обедни за столом четверёжный хлеб с солью едят, но не весь: часть его идет домашнему скоту – лошадушкам, коровушкам да овечушкам. С этого хлеба Бог лучше хранит на целый год и скот, и людей.

Вечером в четверг [в церкви] бывает стоянье, за которым читают страсти Господни. <...>

[Накануне Святой Пасхи – в церкви и дома.]

Ранняя Пасха – яиц меньше, а поздняя – больше, но все, что нанесут

¹ *Божница* – шкаф или полочка в переднем (красном, святом) углу чистой комнаты, куда ставятся иконы и иные предметы религиозного культа, кладется Евангелие.

курицы до Пасхи – наше счастье. Все это утром в Великую субботу варится, красится и делится поровну между старыми и малыми. Нам, ребятам, досталось столько же, сколько и всем. Но это только сначала. Скоро, того и гляди, мать или отец из своего пая добавит. После дележки всяк уносит свой пай до завтра, а завтра может расходовать, как кому вздумается. Нам, полным и бесконтрольным хозяевам своих паев, конечно, и в мысль не входило воспользоваться ими накануне: семь недель постился и несколько часов не додюжил – вот уж постыдно.

Отец как-то рассказывал нам, что в городе видел «воспод», которые и в Великий пост «кушали мяско». Мы сильно дивились и не верили, что есть такие безбожники... <...>

Перед Пасхой мы с братом из церкви не выходим. В церкви хорошо и все напоминает нам, что праздников праздник недалеко: чистят подсвечники, наливают плошки, вставляют новые свечи, возят ельник да пыхтовник для церкви – всё это только к Пасхе и делают. Все это восторгает наши юные сердца, всему мы радуемся и ликуем.

Перед Пасхой изба и горница¹ у нас принимают праздничный вид. Вымывши полы в горнице, мать расстилает половики, а пол в избе посыпает белым песком. В горнице на простенки и на занавесу развешивают белые полотенца с пришпиленными к ним цветными, по большей части шелковыми, лоскутками. После Пасхальной недели эти полотенца снимают.

[Первые дни Пасхальной недели.]

За Христовой заутреней² в первый раз говорят и поют «Христос воскрес». Ребята сказывали, что к этому времени надо приготовить винного (пикового) туза и, вместо «воистину воскрес», сказать попу: «Винный туз есть». Тогда с этим тузом можно сделаться настоящим нивидимкой и всё доставать; словом, такой туз вполне заменяет собою цвет купоротника (папоротника). <...>

¹ *Изба и горница* – основные внутренние помещения крестьянского жилища. Изба в данном случае – хозяйственная комната, кухня и столовая. Горница – чистая, наиболее просторная жилая комната.

² *Христовая заутреня* (утренняя служба в церкви) происходила в Светлое Христово воскресение – первый день Святой Пасхальной недели.

На другой день после Христова дня, то есть в Христовский понедельник, все мужики и молодые ребята, вышедшие из детского возраста (женщины изъезы) обязательно должны явиться к заутрене. Обычай этот еще в недавнее время у нас в Гагарах строго поддерживался тем, что не явившихся по каким-либо причинам к заутрене отыскивали сообща и окачивали холодной водой.

На другой или на третий день к нам в дом приходит Богоматерь – так называется обычай, по которому исстари во всей Гагарской волости на Пасхе [церковный] причт ходит из дому в дом с тремя иконами: Крест, икона с двенадцатыми праздниками и икона Богородицы. В каждом доме перед иконами ставят зерновой хлеб, предназначенный на семена, а на стол – хлеб и яйца. Яйца собираются причтом. <...>

[Семейный обряд начала пахоты.]

Рано утром после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвой. С этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бывают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затапливают свечи. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а потом уж вставать и молиться. После молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения.

Прежде чем выехать за ворота, часто посылают посмотреть, нет ли где бабы на улице. Дурною приметой считается, когда при таком важном выезде баба пересечет дорогу. После такой беды хоть назад воротиться... Так и делают, если еще не выехали со двора: снова идут в горницу обождать и уж потом выезжают. Бабы в это время боятся ходить, а если увидят отъезжающих, то стараются обождать. <...>

[Молодежные забавы на Пресвятую Троицу.]

Вечером в Троицын день молодые люди обоих полов собираются на «полянку» – так называется праздничное сборище, происходящее на берегу реки Ницы. На полянке девицы и молодцы, взявшись за руки и составивши

несколько рядов, ходят один ряд за другим, распевая песни. Это называется ходить в кругу. <...>

На полянке же играют к а р а у л о м. Играющие делятся на пары и становятся одна пара за другой. Один или одна из играющих становится н а к а р а у л. Игра состоит в том, что пары поочередно выбегают вперед, а стоящий на карауле во время бега старается поймать их. Если ему это удастся, то он вместе с пойманным игроком составляет пару, а оставшийся становится на караул. <...>

На полянке же играют в о р о т ц а м и. Двое из играющих, ставши на некотором расстоянии друг от друга, образуют собою два столба. Затем, поднявши вверх по одной руке, они держат в них платок, заменяющий перекладину на воротах.

В эти воротца пробегают одна пара за другой. Каждая пара, выбежавшая из воротец первою, становится так же, образуя новые воротца, и т. д.

Одну из самых необходимых принадлежностей п о л я н к и составляет борьба. Обыкновенно борцы из верхнего конца [селения] борются поочередно с борцами из нижнего конца. Но в большие, годовые праздники обыкновенно оба «конца» соединяются для совместной борьбы с пришедшими из других сел и деревень борцами. Борьбу ведут только двое, остальные уже в качестве любопытных окружают место борьбы толстым живым кольцом.

Борьбу всегда открывают маленькие борцы.

Каждый борец, выходя в круг, должен быть повязан через одно плечо и вокруг себя опояской. Цель борьбы заключается в том, чтобы уронить противника на землю три раза. Кто успеет это сделать раньше другого, тот считается победителем. В случае, если один борец падет три раза, то другой выходит на выручку.

Практика строго установила известные приемы борьбы. Самый легкий удар с н о с к а делается в начале борьбы и заключается в том, что борец старается уронить другого, ударивши его боковой частью ступни по ногам. Следующий прием называется с п я т к и: один из борцов пятку правой или

левой ноги (смотря по тому, какой он лучше владеет) закидывает за пятку другого борца. Есть еще прием брать своего противника с к р ю к у. Для этого ногу закидывают за ногу противника с внутренней стороны. Затем последний прием носит название с х о л к и и состоит в том, что один борец старается подвернуть под живот противника свою спину и таким образом, перебросивши через себя, уронить на землю. <...> Во время борьбы опускаться руками от о п о я с к и строго воспрещается.

От маленьких борьба постепенно переходит к большим. В конце концов остается самый искусный борец, которого никто не мог победить, и он, как говорят, у н о с и т к р у г. Унести круг – это значит одержать такую победу, которая служит предметом гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, к которой он принадлежит. Поздно вечером перед утром кончается борьба, а вместе с нею и «полянка».

На завтра Троицына дня, как думают в Гагарах, бывает земля именинница. Плевать в этот день на землю считается за грех. <...>

[Подростки зимой: школа, вечерние страхи.]

Зимой хоть и много работы, но все же не столько, как летом. А ребятам и всю зиму почти что нечего делать. Наше дело – только коров да коней сгонять на водопой к колодцу или на ручей.

Зимой мы с братом в школу ходили. Училище у нас в Гагарах существует недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсем не существовало, и население было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище и прислан особый учитель. Ранее же обучению детей посвящал часть своих досугов сельский священник.

В зимние сумерки вся семья обыкновенно сумерничает, т. е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вот в эти-то сумерничанья мы, ребята, и слушали сказки да загадки от взрослых. Во время этих же сумерек мы познакомились с соседками да букарицами.

Согласно рассказам, соседка я представлял себе жителем подполья. Старшие рассказывали даже, что бабушка видела в подполье соседка, и хотя

я суседка сильно боялся и в подполье один никогда, даже днем, не ходил, но, по рассказам, это был старик добродушный, который худа сделать никому не желает. Бывает иногда, что суседко по ночам давит людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тот, кого он давит, всегда спрашивает: «К худу или к добру», – и суседко всегда отвечает, худо или добро следует ждать.

Суседко любит хозяйничать над скотом. Какую лошадь полюбит – та и конь конем ходит; какую возненавидит – ту замучит и со свету сживет. Больше всего на нелюбимой лошади суседко воду возит. Говорят, что в прежние годы какой-то хозяин заметил, что суседко уж сильно лошадь измучил, взял да на водовозном чану и сделал дыру. Суседко приехал на прорубь, [воду] черпал-черпал – начерпать не мог, и примерз ко льду. Тут его утром и взяли.

Но, вообще говоря, зимой у нас домашней, лесной, водяной нечистой силе такого значения не придают, как летом. <...>

А. Кайгородова. СДЕЛАНО С НАШИМ НЕМАЛЫМ УЧАСТИЕМ

Кайгородова А. П. С нашим немалым участием // Красен человек ученьем: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1995. – С. 26–28.

Анисья Павловна Кайгородова родилась в начале XX в. Ее воспоминания записаны в 1986 г. учителем-историком Т. Ю. Нерода в с. Конёво Краснозерского р-на Новосибирской обл. (бывш. Барнаульский уезд Томской губ.). Оригинал записи хранится в коллекции биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ.

Родилась я под Рязанью. Родители – крестьяне. Семья была большая – одиннадцать душ. Изба маленькая, спали на полу и полатах. В хате стоял стол и две лавки, больше ничего. Топили по-черному, дым выходил понизу, через открытые двери. Вечерами все девки пряли и, бывало, если замерзали, то прямо в избе жгли солому.

Трудно было. Особенно, помнится, в неурожайный 1911 год. Отец надумал в тот год отправиться в Сибирь. Сложили свои пожитки на телегу и отправились. Помню, что добирались очень долго, до самой осени, а выехали в начале лета.

Остановились в деревне Конёво. Понравилось место озерами. «Значит, будет рыба», – решил отец. По словам мужиков, и урожаи в этих краях были неплохие. Деревушка была маленькая, избышки крыты земляными пластами. Но топились не по-черному, дым шел через трубу. Была в деревне и своя лавка, и школа – до 4-го класса. Но училось в ней мало – дети тех, кто стоял покрепче.

Нам учиться никому не пришлось. Сначала и в Сибири было тяжело – семья большая. Все, кто были постарше (четыре сестры), с матерью и отцом от темна до темна пропадали на пашне. Землю любили, к работе были привычны. И через пару лет наш двор на деревне стали считать «крепким».

Земли засевали много – до 25–40 десятин¹. И свой лес имели – березовый колок. А сеяли пшеницу, коноплю, лен.

Все детство мое связано со льном. Засевали мы его в огороде – при дворе. Когда вызревал, дергали руками (не косили, а именно дергали), ставили маленькие снопы. Потом молотили и расстилали на «кошанину», то есть на убранный участок. Затем стаскивали в вытопленную баню и там сушили. После этого уже мяли мялкой, получали «ёмку». Ее надо было освободить от кострики, для этого – тереть ёмку.

После того, как ёмка была освобождена от кострики, ее толкли в деревянной ступе. Получалась кудея, мы ее называли «намычка». Намычку надевали на большие гребни и чесали. И только после тщательной прочески она была готова для прядения.

Прясть умели все – и взрослые, и дети. Необходимо было, чтобы пряжа была как можно тоньше. Бытовало поверье, что для этого надо съесть коровье сухожилие. Мы его называли «тонкопряха».

Никогда не забуду один случай. Прядение всегда начиналось на Филипповки и мясоед² – это поздняя осень и начало зимы. В это время начинали и скот колоть. И я однажды, желая прясть лучше всех, добралась до корзины с мясом и съела, вернее, сгрызла сырыми сухожилия, которые там оказались. Не знаю, чем бы это все закончилось, если б не мать, которая нашла меня катающейся по полу от боли. Я ей кричу: «Ой, мамочка, только не говори бате, я завтра с утра до вечера буду ёмки тереть, только не рассказывай!»

Вовремя к нам зашла старуха – соседка Александра Афанасьевна. Она в деревне была «врачом» и «священником» – лечила больных и крестила малых. Бабуся заставила меня выпить две больших кружки теплого молока, после чего вызвала рвоту. Живот болел еще долго, но прясть я действительно научилась не хуже других.

¹ Десятина – русская мера площади, равная примерно 1,1 га.

² Филипповка и мясоед – время накануне Филипповского (Рождественского) поста, который начинается 28 ноября.

С приходом [Великого] поста (с марта) мы вместе со старшими ткали холст. Здесь тоже надо было иметь сноровку. Ткали по-разному. Если проще – «туда-сюда», полотно получалось гладкое, без узора. Сложнее – в 4 сопка – получался узор «елочкой», в 8 сопков – кружочками, а [то и] «в досточку» – выпуклостями по поверхности холста.

Весной, когда уже всюду зеленела травка, начиналась самая любимая часть работы – отбеливание холстов. Полотно расстилали дорожками на траве, мочили, сушили, затем снова мочили – до тех пор, пока оно не становилось совсем белым. Для нас, детворы, это был праздник. Наверно, потому, что видели, что сделано с нашим немалым участием. Да и родители наш праздник старались поддержать: для всех к этому дню заранее готовились подарки – пряники, леденцы, а кое-кому и новый сарафан...

А впереди было лето – и снова работа всем нам, да еще потяжелее, чем зимой. Родители и старшие с восходом и допоздна были уже на пашне.

В наши обязанности входил и уход за скотом: утром выгнать в поле, а вечером загнать, напоить. А коров у нас было всегда не меньше двух, да четыре телки, 20–30 овец. Приходилось и пасти, так как стадо в деревне пасли всем обществом по очереди. Поскольку деревня была небольшая, то и очередь приходила быстро. На пастбище с нами обязательно был кто-нибудь взрослый – боялись потравы. Пасти мы любили, хотя сильно нас донимали пауты и комары. Иногда приходили настолько распухшими от укусов, что и мать не узнавала.

В школу я так и не походила. В 1920 году, уже будучи замужем, два месяца занималась в избе-читальне. Там наш грамотный земляк Николай Оспенников открыл курсы. Выучилась немного читать, вот и вся моя грамота.

В. Волосников. ОТЦОВСКАЯ НАУКА БЫЛА СУРОВАЯ...

Волосников В. К. Спасибо за отцовскую науку // Красен человек ученьем: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1995. – С. 28–30.

Рассказчик родился в 1901 г. и вырос в д. Казаркиной Курганского уезда Тобольской губ., в окрестностях с. Лопарево (ныне Курганская обл.). Его воспоминания записаны в 1984 г. студенткой исторического факультета НГПИ Л. В. Петляковской в Исилькульском р-не Омской обл. (Комсомольское отд-ние совхоза «Лесной»). Оригинал хранится в коллекции биографических материалов на кафедре отечественной истории НГПУ.

Я крепким рос, видно, в деда-ямщика. Выглядел старше своих лет – в 12 меня принимали за пятнадцатилетнего. Рано стал отцу во всем помогать. Он был строгим, никогда нас, детей, не баловал, но и куском не попрекал, хотя небогато жили. Мать, Аполлинарья Ефимовна, была бойкой, веселой, наряжаться любила. Как помню, она была из семьи богатой, замуж пошла против отцовской воли, отец ее так до самой смерти и не простил, а бабушка (материна мать) частенько тайком гостинцы нам носила, плакала часто.

Мать моя была большая рукодельница, все умела – и ткать, и прясть, и вышивать. Но в основном все на людей делала, чтобы отцу помочь. Первый раз работать меня отдали к лавочнику Сырьеву, я у него за скотом ходил.

Школу открыли в Лопарево, когда мне примерно лет 12–13 было. Был сход, на сходе сказали мужикам, что, кто желает своих детей отдать учиться, то пусть запишется. Отец пришел, дома рассказывает. Я помню, давай проситься. Он закричал на меня, что лавочнику столько должны... «Как отдавать? Сказано, работай у него целый год, там, может, долги спишет». Мать – та по-хорошему уговаривала: «Ладно, сынок, какая нам от грамоты польза. Считать нам нечего. Да и школа не близко, не набегаешься». На том мои мечты о школе и кончились.

Через год меня уже совсем за взрослого считали. Отец о моей учебе никогда и не заикнулся. Работал я, видно, хорошо. Старательный был, меня многие стали в работники к себе зазывать: «Василко, иди к нам!» – «Нет, к нам!» Отцу это нравилось.

Помню, все-таки смогли мы вторую лошадь купить. А брату Виктору как раз десять лет сравнялось. Робяты, дружки его, стали к осени в школу собираться, и он давай отца просить. Виктора как-то больше жалели, да он и младше был, и слабее здоровьем. Пришел я как-то домой, а мать Виктору рубашку новую меряет. «Что это, – думаю, – вроде праздников нет». А сестра Поля и говорит, что Виктор у нас в школу пойдет. Завидно мне стало, но сказать ничего не посмел: отца боялся – он и возжами мог отстегать, не смотря, что я с него почти ростом вымахал.

Так я даже фамилию свою не научился писать. «Хватит, – говорил отец, – нам одного писаря. Почитай, вся деревня крестом расписывается, а ты тоже не велик барин».

В шестнадцать лет я уже совсем взрослым парнем стал. Делать по хозяйству крестьянскому все умел. Этой «грамоте» я хорошо выучился. Хомуты умел делать, кошевки плести, корзины. За скотом хорошо умел глядеть. Дед даже лечить кое-какие скотские болезни умел – всему этому меня учил. А уж траву косить – это угнаться в деревне за мной почти никто не мог. Уж робить-то я умел.

На гулянья деревенские рано начал ходить. Вот ведь вроде наработаешься, пасть бы да спать, а ведь нет, сменишь рубашку – и на гулянку. Молодежь у нас «улицей» ходила. Весело! У меня дружок, Аркадий Бавин – гармонист, так честь ему была великая. Он, правда, не учился нигде, как сейчас, музыке, а играл хорошо – самоуком. Песни в основном девки пели.

Зимой тоже развлекались, да тогда и работы поменьше. Гадали – вот как сейчас помню. Гадали-то девки, а мы за ними подглядывали. Глупые, верили во все. Боялись. Случай один нехороший помню от тех гаданий.

Стали девки как-то гадать в избе, а мы в сенях спрятались. Они в избе погадали и на улицу выскочили. Все пробежали, а одна-то замешкалась –

Паланька Басова. Выбежала она последней, а кто-то из нас возьми, да и обними ее сзади. Девка, видно, и так гаданием была напугана, не ожидала – сразу и обмерла, потом родимчик ее стал бить. Так потом и умерла от припадков.

Отец попервости ругался из-за гулянок: «Опять допоздна, утром рано вставать, день дремать – какой из тебя работник!» Но мне и трех часов поспать хватало – могучный был, отец и смирился.

А Польшку (сестру) долго, помню, не пускали. Мать ее прясть, ткать заставляла вечерами. Отец им станок сделал – половики из тряпья нанимались людям ткать. Оно и правда – наука эта во вред не пошла, потом в жизни все пригодилось бы. Но, пока молодой, этого не понимаешь – погулять свое охота. Подружки придут – она реветь. Однако отец суровый был: «В жены будут брать – не спросят, как гуляла, а спросят, что наткала». Мать потом плакала, жалела, что погулять девке не дали. В гражданскую тиф пошел, мы все как-то выжили, а Польшка померла.

Отцовская наука хоть и суровая, а спасибо за нее всегда говорю тяте. Все научил делать с малых лет. Люди меня всегда за это уважали. И с молодого Василием Каллистратовичем называли. Помню, уже сюда переехали (в Омскую область) – в совхозной бригаде работал. Как поедем копны класть, бригадир спрашивает, кого вершить поставим, все кричат: «Волосникова!» И по домашности – кому хомут починить, кому чайник запаять, или скотина занеможет – ко мне шли. Что умел, ни в чем людям не отказывал.

А что читать-писать не умел, тут уж винить некого, время наше такое было. А сенокос без меня ни один не проходит. Конечно, на копну уже я теперь не поднимусь, но подскрести к копне и поучить молодых, как класть, еще могу. Теперь люди опять к хозяйству крестьянскому стали тянуться. Очень меня это радует. При теперешней грамоте, да руками все уметь делать – одна польза всем от этого, и баловства меньше!

А. Михалева. С РАННЕГО УТРА И ДО ПОЗДНЕЙ НОЧЕНЬКИ

НГПУ, кафедра отечественной истории, коллекция биографических материалов.

Анна Николаевна Михалёва (1905 года рождения) приехала в Сибирь с родителями из Тамбовщины в раннем детстве. В описываемое время – 1910-е – начало 1920-х гг. – семья жила в с. Ершово Барнаульского уезда Томской губ. (ныне – Алтайский край). Воспоминания записаны в г. Новосибирске в 1985 г. студенткой исторического факультета НГПИ Н. П. Михалёвой. Полностью они публикуются впервые.

В нашем селе была школа. Располагалась она в двухэтажном доме. Первый этаж дома занимал хозяин – Иконников. Вторым этажом за плату он сдавал под школу. В зимнее время школу отапливал хозяин, уборкой помещения занимался он же.

Десяти лет родители отдали меня в школу. Я и читать, и писать в школе научилась.

Помещение для школы было небольшое. Да и учащихся было всего человек сорок. Занимались все в одной комнате. На солнечную сторону было три окна. В два ряда стояли парты. Перед партами – стол учителя, на стене висела большая грифельная доска. При школе у хозяина Иконникова была лавка, где мы покупали учебники и маленькие грифельные доски, на которых писали.

Занятия в школе проходили в две смены. В первую и вторую смену работал один учитель – Виноградов Александр Михайлович. Учитель на селе был человеком уважаемым. Платили учителю в каждой семье, где был ученик.

Тем детям, которые учились в школе, завидовали: не все имели возможность учиться. Нечего было надевать, и нечем было платить учителю. С нашей улицы Тамбовской ходили в школу всего три человека: Квасов

Василий, Гладышев Степан и я. Другие дети, кто хотел учиться, приходили к нам и учились у нас читать и писать на грифельной доске. У Квасовых дома была библиотека, и они разрешали пользоваться книгами соседям. Книги в библиотеке были разные: и художественные, и молитвенники, и церковные книги.

Я училась в первую смену. Из дома брала с собой что-нибудь покушать.

Каждый день уроки начинались с молитвы, которую пели хором. Затем своим чередом шли остальные уроки. Первую молитву мы учили: «Боже, помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие»¹. Тех, кто не знал, не выучил молитву, учитель ставил на колени у большой грифельной доски. А вообще Виноградов был человеком не злым, никогда не бил учеников.

Перед церковными праздниками учитель выбирал из числа учащихся тех, кто хорошо знал и пел молитвы. После уроков оставлял и тренировал их в пении. На праздник эти ученики пели в церкви вместе с учителем.

Учиться мне очень хотелось. Учиться было интересно. Но дома не хватало работников. Старшую сестру выдали замуж, и после Рождества родители не пустили меня в школу. Некому было нянчить младших сестер, ходить за скотиной. А я в семье была вторым ребенком и осталась за старшую сестру. Сами-то родители мои были людьми безграмотными. Читать и писать не умели, хотя счет знали.

Работали мы много. К труду приучали нас с детства. И пряли, и ткать умели с измальства. Шутка ли – только дойных коров в хозяйстве пятнадцать. А работников не держали. Сами все обрабатывали, с раннего утра и до поздней ноченьки трудились. Воспитывали нас в семье дедушка с бабушкой, да мама с папой. Если родителей дома не было, подчинялись дедушке с бабушкой и ослушаться боялись.

Помню такой случай. Послала меня мать вязать просо. Одной-то мне скучно, взяла младшую сестренку. Она еще мала была, и вязать снопы не умела. А идти до места километров десять. Считали – недалеко, лошадей гонять на близкое расстояние незачем.

¹ Текст молитвы мемуаристка запомнила в искаженном виде.

Пришли мы на место, я просо связала, поставила суслоны. В суслоне шесть снопов. Сняла нарукавники, которые надевала, чтобы руки не исколоть. Шились они из старых мужских брюк специально для таких работ. Положила я нарукавники на суслоны и побежала с сестрой в согру порвать смородины. Чую – вечеряет. Надо домой бежать, а не то мама заругается. И побежали мы домой.

А дома мама спросила: «Связала?» – «Связала». – «Сколько?» – «Три копны!» – «А нарукавники где же?» Я отвечаю: «Ох-ох! На суслоне оставила!» Мама только и сказала: «Сейчас же принеси».

Выбежала я молчком за ворота, взяла березовую палку, села на нее на вершни, как ребятишки катаются на палках. И пошел... Оглянуса – сзади только пыль столбом. Сейчас приеду! Подбегаю, вижу – лежат нарукавники. Я их схватила, опять на эту палку и обратно домой. Добегаю до деревни, пастух уже коров погнал. Зашла в ворота – солнце уже село. Встречает меня мама, спрашивает: «Принесла нарукавники? Никто не унес?» Я говорю: «Вот они!» Мама говорит: «Анюшка, Анюшка, нарукавники – пустяк, двадцать таких еще сошью. Но только не будь такой: косила – косу бросила; сгребла – грабли бросила, а кто-то пошел, подобрал. Тебе назавтра косить, хватилась – косы нет; сгребать, а граблей-то нет. Береги свое, что имеешь, не будь растеряхой».

Так приучила меня мать к бережливости. Привила на всю жизнь. Сейчас мне 80 лет, а ничего у меня не пропадет. Каждому лоскутку дело дам. Было мне тогда лет четырнадцать.

А поощрять нас ничем не поощряли. Скажут: «Молодец», – и все. Не будут же мне премию выдавать! Для себя все делали.

Как-то дедушка попросил меня на изношенных санях веревочки развязать, они еще годны были для новых саней. На веревках-то сани крепятся. Узелков много, крепко затянуты, а каждый развязать надо. Пообещал дед за работу гостинец из Камня привезти. Мама нагрела воды, я на каждый узелок поливала горячей водой и шилом развязывала. Подружки помогали мне. Все веревочки распутляла, связала пучочками.

Жду дедушку. Какой-то гостинчик привезет? И подружки со мной.

Приехал дедушка. Мы сидим, ждем, когда войдет в избу, даст гостинчик. Дед в избу вошел и поужинал уж, а все молчит. И не спрашивает, сделала ли я его наказ. Потому как знает, что я все сделала, не посмела ослушаться. Сидит дед на кухне, со взрослыми разговаривает, а про гостинец как забыл.

Тогда прошла я в горницу, гляжу – на столе лежат лосевые рукавицы, а в них полно конфеток «Раковые шейки». Я конфетки-то в подол ссыпала и за печь с подружками – угостить их за работу. Поели все конфеты, а бумажки в щелку в полу, в подполье поспихала. Будто ничего не было.

Дедушка не спросил, кто взял конфеты. И – никто ничего. Нигде ни бумажки даже.

Прошло несколько времени. Мне мама с отцом говорят: «Вот как, Анютка! Мучались, мучались с девчонками, а дедушка никакого подарка не привез». А я и рассказала, все как было. Мать руками так и всплеснула: «Что вы наделали?! Ну, не дал дед конфет, и не надо самоуправничать было!» Достала из подпола все бумажки, когда деда дома не было, и – в печь. Как бы дед не заметил. Вот как боялись, уважали и почитали старших.

Так нас воспитывали. Лет с десяти приучали к труду. Сперва с младшими сестрами нянчилась, а лет в тринадцать уже косить умела, от взрослых мужиков не отставала. И за скотиной ходила, и сготовить знала как. Готовить-то меня мать учила. И как квашню поставить, и как тесто замесить. Говорила: «Анютка, припоминай все. Пойдешь замуж – все сгодится. Да каждый день одно и то же не готовь, надоест».

Я все перенимала от матери. Из одного теста могла десять блюд сготовить. Было бы только из чего. Недаром ведь говорят: «Была бы коровка да курочка, состряпает и дурочка». А готовить было из чего. Обработывали сами себя, и все у нас было.

На игру тоже времени хватало. Не все же работать. С измальства так играли: рвали на дворе траву, сушили, лаптем возили, ставили игрушечные снопики. Из глины лепили игрушечную посуду, обжигали на печи, которую сами мастерили. Кукол нам дедушка или папаня делали из полена.

Выстрогают фигурку, чтоб на человека была похожа. Мы ее в тряпочки нарядим, и кукла готова. А еще играли в бисюрочки. Играющих шесть человек, у каждого бусинки. Один собирает со всех бусинки, по одной с каждого. Из земли насыпаем шесть холмиков. Тот, что собрал бусинки, прячет их в один из холмиков, чтоб никто не видел. И по очереди отгадываем, в какой кучке бусинки: «Дуб, клен, крест, в этом нету, в этом есть». Тот, кто отгадывал, все бусинки из кучки забирал себе. Выигрывал тот, у кого больше оставалось бусинок, чем у других.

Еще учились друг от друга молитвам. Кто какую знает, научился от родителей. На пост исповедовались в церкви, и поп спрашивал молитвы, какие знаешь. Прочтешь молитву, и поп исповедает. Попа мы боялись, ему исповедовали свои грехи. Вот и старались учить молитвы, чтобы не рассердить батюшку.

Так играли лет до тринадцати. А потом-то днем в основном работали. А вечером выходили на улицу, играли в лапту, в «разлуки»: вставали в два ряда – ряд парни, ряд девки. По очереди выбирали друг друга. К примеру, девка к парню подбежит, заденет его и убегает; он догоняет ее, догонит, и опять в ряд становятся.

Позже собираться стали где-нибудь на бревнах. Пели под гармошку, плясали, водили хороводы.

На семнадцатом году выдали меня замуж. А мужу моему восемнадцать лет было. Жили мы с ним по соседству. Сговорились, венчались в последнюю пятницу под Масленку. И замуж-то не боялась. Знала все: с чего начать и как жить. Всему меня родители научили, к жизни подготовили. На ноги я стала крепко. Первой снохой была, и вся работа в доме свекрови легла на мои плечи. Нашелся первый ребенок, муж мне пеленки не стирал. Сама все успевала. А если бы в семье не приучили к работе, кто бы меня и замуж-то взял?

А. Трифонова. МОЕ САМОЕ БЕСПОКОЙНОЕ «ХОЗЯЙСТВО»

Трифопова А. В. Мое беспокойное «хозяйство» // Красен человек учением: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1995. – С. 32–39.

Воспоминания А. В. Трифоновой «Как я стала учительницей. Автобиографический очерк» написаны в 1970 г. в г. Евпатория (Крым). Подлинная машинописная рукопись хранится в Иркутском областном центре документации новейшей истории. Здесь с сокращениями переиздается ее первая половина.

[В большой семье.]

Родилась я в 1897 году в с. Хаихта Куйтунской волости Иркутской губернии в крестьянской семье Василия Денисовича и Анны Андреевны Сахаровских. Семья наша большая, много детей – мал мала меньше. Отец и мать были большие труженики. Особенно трудно было матери: чем только не приходилось ей заниматься и дома, и в поле, да всего и не перечесть, чтобы вырастить столько детей. Родители наши были скромные люди, добродушные, очень гостеприимные.

Жили мы в небольшой бревенчатой избе с двускатной крышей. Одна комната и кухня с большой русской печью, сени с высоким крыльцом. Нас, детей, не баловали, ласки от родителей видели мало. Да и не было у них времени на это, но по-своему любили нас, физически не наказывали.

Если кто из нас болел, мать была нежна и заботлива, сама лечила, как умела, так как больница была в селе Куйтун за 15 верст, к врачу не обращались. Сильные выживали, слабые умирали. И все же в каждой семье детей было немало. Кто выживал первые годы жизни, рос крепким, здоровым.

Мальчишки росли среди природы – лес, речка, поле и с ранних лет посильный труд дома и в поле.

Помню, с 9 лет в страдную пору я оставалась дома одна полной хозяйкой. Мама рано утром, подоив корову, уходила в поле на целый день жать хлеб, оставляя на меня все хозяйство. Мне нужно было присмотреть и накормить всю мелкую живность – кур, цыплят, поросят, а вечером встретить из стада коров.

Но самое беспокойное «хозяйство» были мальчишки – Архип, Федя, Гриша, да двое малышей – Анька и Гошка. Утром накормлю, и убегают они на речку, в лес до полдня. Прибегут голодные, как галчата, что ни поставишь на стол – мигом все исчезает. Не успеешь оглянуться, как мальчишки уже за воротами с ватагой ребят бегут по улице, только голые пятки мелькают, да пыль клубится за ними.

Поздно вечером приходит мать с поля, ребяташки уже крепко спят покатом на полу. Пересчитает, все ли дома, и спросит: «Лбы, глаза у всех целы?» – «Целы», – отвечаю. «Ну, и слава Богу, что все благополучно», – и пойдет доить корову. Обе усталые ложимся спать. И так изо дня в день, пока идет самая жаркая пора, «страда деревенская» – уборка урожая.

Но однажды с маленьким Гошкой случилась беда. Недосмотрела, как он выбежал за ворота на улицу и ухватил лошадь за хвост. Лошадь ударом копыта далеко отбросила Гошку, и лежит он безжизненный на дороге. Первой увидела его бабушка. Слышу на всю улицу крик: «Гошку лошадь убила! Ой, батюшки, беда-то какая!» – и несет Гошку на руках. Голова свесилась, руки-ноги болтаются, как плети. Что делать? Врача нет, помочь некому. Отмыли окровавленное лицо, и Гошка открыл глаза. «Жив, жив наш Гошка!» – вздохнули облегченно с бабушкой. Долго проболел, но выжил братишка.

Шли годы, подросли братишки, стали помощниками отцу. Он уже не надрывался один над непосильной работой в поле. Легче стало и матери. Я по-настоящему стала помощницей во всех домашних делах, научилась и прясть, и ткать, корову подоить и вкусный хлеб испечь.

В селе я первая учительница из крестьян, в своей семье – первая грамотная. Ни отец, ни мать, ни деды и прадеды грамоты не знали. И своим

образованием я обязана моему дорогому отцу. Он, будучи сам неграмотным, понял мое страстное желание учиться и, при всех материальных трудностях, дал мне второе рождение. Много обязана и своей матери: как ей трудно было отпускать меня в школу, лишившись помощницы.

Раннее детство.

Летнее утро. Солнце уже полыхало всеми своими лучами на голубом небе. Маленькая девочка двух с половиной лет в розовой с цветочками рубашонке только что проснулась и, протирая глаза кулачками, выбежала из избы на крыльцо.

Солнце ударило в глаза. Зажмурилась, поморгала светлыми ресничками и увидела, как важно во дворе расхаживает большой гусак и громко кричит: «Го-го-го!». За ним идут гусыни, спешат маленькие пушистые желтенькие гусенята с красными лапками, переваливаясь с боку на бок.

Ножки сами затопали вниз по ступенькам крыльца и, протягивая ручки, девочка с возгласом «гуль-гуль-гуленьки» побежала, чтобы поймать гусенка и поддержать его на своих ладошках. Не успела Ната, как звали меня – маленькую девочку, наклониться, как что-то грозное со страшным шипением набросилось, ударило и повалило на землю. Все гуси начали бить крыльями, клевать и ... больше ничего не помню. Очнулась в избе у бабушки на руках, избитая, окровавленная. После не раз мне рассказывали бабушка и мама, как, услышав мой отчаянный крик, выбежали на крыльцо и увидели, что я лежу на земле, а гуси всем стадом бьют крыльями и клюют. Долго болела.

Это было мое первое яркое впечатление детства. Я впервые увидела окружающий меня мир, наш двор, Полкана, лежащего около своей будки с высунутым длинным красным языком. Яркое солнышко на чистом голубом небе, гусей с маленькими пушистыми гусенятами. Мне все показалось таким чудесным, таким прекрасным, и вдруг этот страшный гусак!

Второе, что запомнилось мне на всю жизнь, событие очень страшное – была наша рыжая корова с большими острыми рогами.

У нее был такой же рыженький теленочек с белой звездочкой на лбу. Как-то мама пошла доить корову, а я увязалась за нею. Мне так хотелось посмотреть на Рыжика и погладить его мордочку. <...> Была зима, на мне было старенькое ватное пальтишко с красной в черную клетку подкладкой. Бегу по двору, а навстречу идет корова. Я нагнулась, чтобы поднять с земли прутик, как вдруг корова бросилась на меня, рогами повалила на землю. Потом я взлетела кверху и очутилась у нее на спине, затем корова сбросила меня и больно ударила о землю, затем снова полетела я вверх, вниз и ... больше ничего не знаю. Избитая и перепуганная, долго и тяжело болела. В бреду кричала: «Боюсь, боюсь, рога, мама, рога». Иногда приходила в себя и видела, как надо мною склонилась то мама, то бабушка, и снова забывалась. <...>

Выросла я в деревне, но страх перед коровами, особенно чужими, и перед гусями остался на всю жизнь. Было немало и других опасных приключений, но это уже позднее, когда мне было 8–13 лет.

Маленькая нянька.

<...> Как старшей в семье из детей, да еще девочке, мне выпала нелегкая доля. Уже в три года меня заставляла мама качать люльку. Нянька и сама еще ребенок: так хотелось покататься на этой люльке. Однажды так раскачала люльку, привязанную к потолку за веревку, что веревка оборвалась, и мы вместе с Федюшкой свалились на пол. Конечно, Федюшка больно ушибся, а нянька получила подзатыльник. Трех братишек и сестренку вынянчила, «мучителей» своих.

Горькое было мое раннее детство. Детство без детства! Подросла, стала настоящей нянькой. Но как по утрам хочется спать... Мама вставала рано, уходила доить корову, убирать скотину, а меня разбудит: «Не спи, прислушивайся, чтобы не кричал ребенок, не вывалился из люльки на пол». – «Хорошо, мама! Не буду спать». Но только мама за порог, я уснула как убитая. Братишка проснулся и не хочет лежать в мокрой люльке, закричал и вывалился из люльки на пол. Падать-то ему на меня, не ушибся – я спала под

люлькой на полу. Водрузила братишку в люльку, засунула в рот соску: «Спи, спи, гадкий мальчишка!» – приказываю ему. А он знай себе орет. Качаю люльку – не помогает; тогда уже ревели мы в два голоса.

Но было и отрадное в детстве. Помню, как однажды отец посадил меня на плечо и идет по улице. С какой гордостью смотрела я на ребяташек с высоты отцовского плеча! Как была счастлива от этой ласки!

Отец купил у лавочника дудочку-свистульку, но недолгой была моя радость. Мальчишки отняли дудочку, каждому хотелось хоть разок свистнуть. Подрались между собой, сломали мою дудочку. Без крика и слез не обошлось. Это была единственная игрушка, подаренная отцом. Игрушек нам, детям, не покупали. Подросла – сама шила из тряпок куклы. Чашечки, тарелочки лепила из глины, лепила лошадок, собачек.

Из животных любила собак и лошадей. Собаки – мои друзья, к лошадям была какая-то страсть. Очень любила ездить верхом на лошади, не раз падала, больно ушибалась, но при удобном случае снова взбиралась на лошадь и скакала по степи.

[На пашне с отцом.]

Самое отрадное воспоминание детства – когда отец брал меня с собою в поле. Вот вижу себя с отцом весной в поле, как он пашет землю деревянной сохой, запряженной в две лошади. На передней сажу верхом и управляю ею, чтобы шла прямо бороздою. Какой это тяжелый труд – держать за ручку деревянную соху и шагать с нею с утра до вечера. Пот струйками катится по лицу, отец устал, тяжело дышит. Садимся отдыхать и обедаем.

А поле? Оно такое большое, еще столько нужно вспахать, потом вручную из лукошка, привязанного через плечо, разбросать ровными рядками зерно и заборонить.

Боронить – это моя работа. Отец только наблюдает, чтобы лошади слушались меня, да на поворотах очищает бороны от веток и стерни.

Вечером возвращаемся домой. Я, уставшая, но счастливая, крепко засыпаю на телеге под звон колокольчика под дугой. Вот мы и дома. Сквозь

сон слышу, как отец берет меня на руки и несет в избу, передает матери: «На, бери своего пахаря, укладывай!»...

[Поэзия родной природы.]

Больше всего любила сенокос. Для меня это была самая веселая, радостная пора лета.

Отец, братишки и я живем на сенокосе, спим в шалаше. Трудно мне словами описать всю красоту наших сибирских лесов, степей и полей. Зеленым ковром расстилаются луга с запахами душистого меда, цветов и ягод. Там, на полянке, горит красным цветом клубника и земляника. В балочке на кустах висят гроздья душистой черемухи. Зайдешь в небольшой лес – и чего-то там только нет! Чего только ни увидишь! Сколько ягод – голубики, малины; черника поспела и черные зубы у нас. А там грибы, и как их много – глаза разбегаются, не знаешь, какой брать. Маслята, мои любимые грибы, стоят семейкой и большие, и совсем маленькие в хорошеньких светло-коричневых шляпках, блестящие, точно смазанные маслом. И, кажется, сами просятся: «На, нас бери, мы самые красивые, самые вкусные из всех грибов». – «Ну что ж, если уж сами напросились, полезайте в мое лукошко!»

Вдруг среди ветвей махнет своим рыжим хвостом белка, прыгнет на высокую ветку и смотрит на нас своими любопытными черными бусинками глаз. То из-под куста выскочит перепуганный серый зайчишка и ну наутек во все лопатки, только мелькнут вдали высоко вскинутые лапы да беленький хвостик. Удрал косой!

Но вот у нас полные лукошки грибов и ягод. Идем к шалашу, пора готовить обед. Зажигаем костер, нажарю грибов в сметане или сварю суп с грибами, и нет для меня лучшей похвалы, если отец скажет: «Какой же сегодня приготовила вкусный обед наша маленькая повариха!»

А как бывают вкусны печеная картошка, посыпанная солью, чай из котелка, пахнущий дымком, или ломоть пшеничного хлеба с вкусной ягодой

клубникой. Ничего более вкусного не ела в жизни, как в поле, на чистом воздухе, у костра, после трудового дня! Даже хлеб с водой.

Вечер. Быстро темнеет. Небо становится черным, как будто кто-то невидимой рукой накинул на него черную шаль, затканную яркими золотыми звездочками. Их так много, так много, не сосчитать! «Вот это моя звездочка, – указываю на самую яркую, – а это твоя, – шепчу братишке. – Смотри, смотри, вон звездочка покатила... и погасла!»

Как интересно смотреть в ночное небо и слушать музыку цикад и еще какие-то звуки. Степь не спит, лошади недалеко пасутся и слышится, как колокольчик мерно позванивает. Костер догорает. Пора спать. Быстро засыпаем на душистом сене в шалаше, и снятся мне чудесные и страшные сны.

Мы ходим с братишкой по лесу. Вот белка машет нам с ветки рыжим хвостом, а серый зайчишка стоит на задних ногах, передними уперся в бока, громко смеется: «А что, не поймали! Удрал от вас! И никто меня не поймает, никого не боюсь...» Грибы, снова грибы... И как их много. И растут, растут уже до пояса нам, обступили и кружатся в хороводе вокруг нас, улыбаются, машут своими шляпками. А маслята поют свою песенку: «Мы самые красивые, самые вкусные!» Вперед выступает гриб-боровик на белой толстой ноге, в белой шляпе и громко говорит: «Нет, я самый вкусный, самый лучший гриб, я царь всех грибов!» И грозно наступает на нас, машет своей шляпой, и нам стало так страшно, так жутко. Бросились вон из лесу, бежим, бежим, и сквозь сон слышу голос отца: «Ребята, пора вставать, уж солнышко высоко!»

[Неумелые косари.]

Начинается новый день, полный чудесных впечатлений и радости от труда. Наскоро завтракаем, кладем на плечи свои маленькие косы и важно шагаем за отцом к делянке, начинаем косить траву.

Отец идет впереди, за ним я, за мною братишка. Любуюсь отцом, как под его сильными взмахами подрезанная трава покорно ложится ровными

рядками за ним, только коса издает мелодичный звук: «Дзинь, дзинь!» А на зеленых рядках, точно красные бусы, разбросана спелая клубника.

Стараемся и мы с братишкой косить, как отец, но косы наши плохо слушаются. Размахнешься – р-р-раз, а коса носком в землю. Размахнешься снова, а коса скользнет поверх травы. Смотрит на нас отец и смеется: «Ох, горе мое, а не косари!» – и начинает показывать, как держать косу, как плавно к земле двигаться. День–два, постепенно науку косьбы осваиваем, только силенок мало, устаем быстро. Да еще эта клубника – так и дразнит, так и манит к себе! Бросаем косы, бежим за лукошком, собираем ягоды, но больше в рот, чем в лукошко.

Самое приятное для меня – маленькими граблями сгребать сено в валки, складывать его в копны, а потом возить в стог. С братишкой верхами на конях мчимся наперегонки: кто первым поведет копну к стогу, тот весь год будет счастливым, везти же последнюю копну считается позорным.

Целый день кипит жаркая работа, надо быстро сложить копны в стог, а то вдруг тучка появится в небе, пойдет дождь и попортит сено, надо спешить. Но вот все копны свезены, стог завершен, и стоит он большой, с нашу избу. А сколько труда вложили в него отец и мать... Видим их радость, радуемся и мы, ведь и наш труд здесь есть.

[Опасные приключения.]

Сенокос не всегда обходится без приключений, иногда весьма опасных. Однажды с братишкой поехали верхами на конях к колодцу, чтобы напоить их. Колодец на высокой горе. Итак, поднимаемся в гору... Как вдруг из-за кустов кто-то черный, мохнатый и, как медведь, встав на задние лапы, передними замахал и дико по-звериному заревел. Лошади остановились, захрапели и, резко повернув, стрелой помчались вниз с горы. Братишка не удержался и сразу же слетел с коня. Слышу его крик: «Натка, падай, падай, он убьет тебя!» Я ухватилась за гриву руками, стараясь удержаться на лошади, но чувствую и вижу, что лошадь моя мчится далеко впереди, а я лечу, лечу сама. Дух захватывает, страшно и приятно. Лечу по воздуху, сидя

на войлоке, как на ковре-самолете, и плавно приземляюсь. Сидела на коне без седла, просто на войлоке, и сильным порывом воздуха от мчавшейся лошади меня снесло, как пушинку (а было-то мне лет 9 тогда), и летела я на войлоке, точно в сказке на ковре-самолете. <...> Глупая шутка злого мальчишки в вывернутой мехом наверх черной шубе, разыгравшего «медведя», могла окончиться для нас очень печально.

Вспоминаю и второй трагический случай со мною на сенокосе.

Делянка для покоса в тот год досталась отцу на высокой горе и по склону горы переходила в долину. Мне было 13–14 лет, старшие братишки подросли, и работа шла у нас споро. Трава скошена, высохла в валках. Чтобы быстрее ее сгрести, отец взял в долг у соседа машинные грабли на высоких колесах, какие и теперь можно встретить в колхозах. Сено собрано, сложено в копны, начали свозить их и укладывать в стог. Стог под горой.

В этот день и мама приехала из дому, чтобы мы поскорее управились с сеном.

Младшие мальчишки верхами на лошадях возили копны к стогу. Около одной копны стояли эти злополучные грабли и мешали подъехать близко к копне. Я взяла за оглобли и потянула грабли от копны вдоль горы, но силы не хватило. Тогда чуть-чуть повернула их вниз по склону и ... они сами покатались с горы. Старалась изо всех сил удержать грабли, но не тут-то было... Чем дальше, тем быстрее и быстрее катятся грабли с горы, а я-то впряглась в них, как лошадка. И вот мчат они меня вниз все сильнее и сильнее, я бегу с невероятной быстротой, еле ноги убираю. Как током пронизало мозг: вот-вот упаду, и грабли завертят меня, как валок сена, железными острыми зубьями заколят и... Конец мне!

Инстинкт самосохранения быстро сработал. Бросив грабли, – прыжок вперед, еще прыжок – быстро отскочила в сторону. Грабли с шумом и лязгом пронесли мимо и оглоблями врезались в стог сена. Я упала на землю и разрыдалась. Отец, стоя внизу около стога, мать и братишки на горе оцепенели от ужаса, наблюдая эту страшную картину... Долго не могли

придти в себя от пережитого. И на этот раз, будучи на волоске от смерти, выскочила невредимой.

«Ну и счастливая ты, Натка, – из какой беды выскочила... Знать, под счастливой звездой родилась», – говорила мне потом бабушка. И снова рассказала мне про случай с гусями: как они меня маленькую чуть не заклевали до смерти. И про рыжую корову, как она мотала меня на своих рогах.

Да, все это было с маленькой девочкой очень давно, но не забыть мне и теперь. <...>

У БОГА НА ПОЛКЕ

Зобнин Ф. К. Поездка на Алтай // Живая старина. – 1898. – Вып. 3/4. – С. 272.

Конец XIX столетия. Педагог и этнограф Ф. К. Зобнин во время путешествия в верховья р. Бухтармы, в Змеиногорский уезд Томской губ. (сейчас это территория Восточного Казахстана), записал замечательный образчик устного творчества крестьян. Согласно классификации М. Н. Мельникова, перепечатанный здесь текст относится к диалогическим детским песням. Он мог также бытовать и как считалка, и как докучная сказка.

– Дедонька! Где был? – На меленке. – Кого делал? – Мучку молол. – Где у тебя мучка? – Микулка украл. – Где Микулка? – В церковь ушел. – Где церкв́а? – Водой унесло. – Где вода? – Быки выпили. – Где быки? – В траву ушли. – Где трава? – Гуси вышшипали. – Где гуси? – В тальник ушли. – Где тальник? – Девки вырубили. – Где девки? – По мужьям ушли. – Где мужья? – Померли. – Где гроба? – Погнили. – Где крошки? – У Бога на полке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ, РЕКОМЕНДУЕМЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

Основная литература по учебному курсу

Батурина, Г. И. Народная педагогика в современном учебно-воспитательном процессе / Г. И. Батурина, Т. Ф. Кузина. – М.: Школ. пресса, 2003. – 144с. – (Б-ка журн. «Воспитание школьников»; вып. 36).

Белов, В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов // Избранные произведения: В 3 т. – М.: Современник, 1984. – Т. 3. – С. 3–326. (Имеются и другие издания).

Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 278 с.

Васильцова, З. П. Мудрые заповеди народной педагогики: (Заметки журналиста) / З. П. Васильцова. – 2-е изд., доп. – М.: Педагогика, 1988. – 158 с.

Виноградов, Г. С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства / Г. С. Виноградов; Сост., биогр. и библиогр. А. В. Грунцовского. – СПб.: Анатолия, 1999. – 552 с. – (Ист. наследие).

Волков, Г. Н. Этнопедагогика: Учебник для студентов средних и высших учебных заведений / Г. Н. Волков. – Издат. центр «Академия», 1999. – 168 с.

Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 448 с.

Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы: [В 3 т.] / Отв. ред. Н. Н. Грацианская, А. Н. Кожановский. – М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 1995.

Измайлов, А. Э. Народная педагогика: Педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана / А. Э. Измайлов. – М.: Педагогика, 1991. – 256 с.

Капица, О. И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры: Изучение, собирание, обзор материала / О. И. Капица. – М.: Прибой, 1928. – 222 с.

Князева, О. Л. Приобщение детей к истокам русской народной культуры: Программа / О. Л. Князева, М. Д. Маханева. – СПб.: Акцидент, 1997. – 158 с. – (Из опыта педагога).

Кон, И. С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива) / И. С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 270 с.

Кукушкин, В. С. Этнопедагогика и этнопсихология / В. С. Кукушкин, Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 448 с.

Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты / С. М. Лойтер. – Петрозаводск: Карел. пед. ун-т, 2001. – 296 с.

Мельников, М. Н. Русский детский фольклор: Учеб. пособие / М. Н. Мельников. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

Мид, М. Культура и мир детства: Избранные произведения / М. Мид; Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; Сост. и послесловие И. С. Кона. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 429 с.

Народное искусство в воспитании детей (для педагогов дошкольных учреждений, учителей начальных классов, руководителей художественных студий) / Т. С. Комарова, Т. А. Ратанова, Г. В. Быхолец и др.; Под ред. Т. С. Комаровой. – М.: Рос. пед. агентство, 1997. – 208 с.

Педагогика народов мира: история и современность / Р. Селлек, К. Салимова, М.-П. Кулиев и др.; Координатор междунар. проекта К. Салимова, при участии Н. Додде. – М.: Пед. о-во России, 2001. – 576 с.

Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований / Отв. ред. Т. А. Листова. – М.: Наука, 2001. – 363 с.

Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны зарубежной Европы / Отв. ред. Н. Н. Грацианская, А. Н. Кожановский. – М.: Наука, 1999. – 518 с.

Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1998. – 744 с.

Соколова, Л. В. Воспитание ребенка в русских традициях / Л. В. Соколова, А. Ф. Некрылова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 208 с. – (Первые шаги).

Торэн, М. Д. Русская народная медицина и психотерапия / М. Д. Торэн. – СПб.: Литера, 1996. – 496 с.

Шангина, И. И. Русские дети и их игры / И. И. Шангина. – СПб.: Искусство, 2000. – 296 с.

Этническая педагогика: Кн. для чтения / Сост. В. А. Пятин, А. М. Трещев, Г. В. Алексеева и др.; Гл. ред. В. А. Пятин. – Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ин-та, 1995. – 476 с.

Этнография детства [у народов Азии, Австралии и Океании]: [В 4 кн.] / Отв. ред. Н. А. Бутинов, И. С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит.; Издат. фирма «Вост. лит.», 1983–1992.

Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов / Запись, сост., нотации и фотогр. Г. М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.

Литература и источники по этнопедагогике, этнографии и истории детства в Сибири

Астафьев, В. П. Последний поклон: Повесть: В 2 т. / В. П. Астафьев. – Изд. испр. и доп. – Красноярск: Благовест, 1994. (Имеются и другие издания.)

Афанасьев, В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока / В. Ф. Афанасьев. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 182 с.

Беловолова, С. П. Традиционная педагогическая культура алтайцев / С. П. Беловолова. – Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 2000. – 232 с.

Березина, Т. И. Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917 гг.) / Т. И. Березина. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 1998. – 115 с.

Виноградов, Г. С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений / Г. С. Виноградов. – Иркутск: Б. и., 1925. – 84 с.

Григоровский, Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края / Н. П. Григоровский // Зап. / Зап.-Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. – Омск, 1879. – Кн. 1. – С. 1–28 (4-я паг.).

Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 280 с.

Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков / Собираатель, сост. и автор коммент. П. Е. Бардина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 220 с.

Зверев, В. А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1993. – 245 с.

Зверев, В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 1998. – 118 с.

Зверева, К. Е. Развитие потребности в просвещении у крестьянства Сибири (1861–1917 гг.) / К. Е. Зверева // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – XX в.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН; НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 56–73.

Зобнин, Ф. К. Игры (в слободе Усть-Ницинской Тюменского окр.) / Ф. К. Зобнин // Живая старина. – 1896. – Вып. 3/4. – С. 538–542.

Красен человек ученьем: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Сост., предисл., примеч. К. Е. Зверевой, В. А. Зверева; Отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 1995. – 116 с.

Красноженова, М. В. Сказки Красноярского края / М. В. Красноженова. – Л.: Гослитиздат, 1937. – 294 с.

Логиновский, К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков / К. Д. Логиновский. – Владивосток: О-во изучения Амур. края, 1904. – 141 с. – (Зап. / О-во изучения Амур. края; т. 9, вып. 1).

Любимова, Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. / Г. В. Любимова. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2004. – 240 с.

Малыгина, А. А. Мир детства у народов Сибири / А. А. Малыгина // Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. – СПб.: Наука, 1995. – С. 198–221.

Мельников, М. Н. Русский детский фольклор Сибири / М. Н. Мельников. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – 218 с.

Миненко, Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. / Н. А. Миненко. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Неклепаев, И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края: Этногр. очерк / И. Я. Неклепаев // Зап. / Зап.-Сиб. отд. Рус. Геогр. о-ва. – 1903. – Кн. 30. – С. 29–230. (Отдел. оттиск: Омск: Тип. штаба Сиб. воен. окр., 1903).

Попова, А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне (с. Распутино Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губ.) / А. М. Попова // Сиб. живая старина. – 1923. – Вып. 1. – С. 106–120.

Ростовцев, И. Г. На краю света: Записки очевидца / И. Г. Ростовцев. – М.: Современник, 1985. – 686 с.

Тачалов, И. И. Мрачная повесть: (Автобиография) // Тачалов И. И. Избранные произведения. – Новосибирск: Облиздат, 1937. – С. 17–154.

Титов, Е. Конские бега в Восточном Забайкалье (Урульгинская волость Читинского уезда) / Е. Титов // Сиб. живая старина. – 1924. – № 2. – С. 38–54.

Титов, С. П. Два детства / С. П. Титов. – М.: Сов. Россия, 1965. – 169 с.

Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Н. А. Миненко. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 360 с.

Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 254 с.

Чувашева, И. К. Слава Богу за всё!: Воспоминания деревенской учительницы / И. К. Чувашева; Публикация, предисл. и примеч. В. А. Зверева // Горница: Журнал для семейного чтения. – 1996. – № 3. – С. 8–29.

Чукмалдин, Н. М. Записки о моей жизни / Н. М. Чукмалдин. – М.: Типо-
литогр. А. В. Васильева и К^о, 1902. – 197 с.

Шамахов, Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ф.
Ф. Шамахов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. – 271 с.

Учебное издание

ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

Программа учебного курса, хрестоматия и практикум (для студентов
исторического факультета)

Автор-составитель и ответственный редактор: В. А. Зверев